



Юлия
Андреева

Предсказание

Юлия Андреева

Предсказание

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=639465

Аннотация

«Царь Антихрист воздвигает город на непотребном месте, и город сей погибнет через триста лет и три года — за три дня». Исполнится ли страшное предсказание? От кого зависит, жить Питеру или умереть? Выстоит ли город в новых испытаниях или исчезнет, словно его никогда и не было?

Содержание

ПРЕДСКАЗАНИЕ	4
НОВЕЙШАЯ МИСТЕРИЯ ПЕТЕРБУРГА	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	38
Глава 13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Андреева

Предсказание

Автор выражает благодарность писателю Виктору Беньковскому, поэту Юрию Романову, экстрасенсу Ольге Флегонтовой, поэту, философу Алексею Вязмину, без помощи и поддержки которых эта книга просто не появилась бы на свет.

ПРЕДСКАЗАНИЕ

НОВЕЙШАЯ МИСТЕРИЯ ПЕТЕРБУРГА

То, что Петербург – город мистики, знает каждый. Но это можно просто ощущать, как свершившийся факт, живя в Петербурге, дыша его неповторимыми «духами и туманами», ежедневно читая зримые и осязаемые «строфы» грандиозной «поэмы в камне».

Не один раз пророчили гибель «умышленному городу». Не однажды пытались его уничтожить.

Петербург приводил в восхищение, очаровывал, вызывал отвращение и горечь: его столь же любили, сколько и ненавидели. *Odi et amo*.

А вдруг?!

Вдруг этот невероятный город действительно заколдован и судьба его начертана на черной странице в Книге Жизни?

Предсказание! Предсказание!

«Триста лет и три года стоять городу царя-антихриста, и погибнуть ему в три дня!»

Сбудется ли оно или это очередная мистификация самой истории?!

В романе Юлии Андреевой таинственная громокипящая смесь фантастики и мистики, исторического документа и легенды, мифа и сказки воспринимается как сегодняшняя быденная реальность.

Тому, кто живет в Петербурге, не трудно поверить в самое обыкновенное НЕОБЫЧНОЕ. И читателя не удивит, что среди действующих лиц и исполнителей романа-фантазмагории – раскаявшийся Агасфер и Падший Ангел, сиамские близнецы и невидимые кони; что по улицам города неприкаянно бродит его собственный дух в человеческом обликии и запросто беседует с Луной, надеясь занять у нее немного денег, не иначе как для того, чтобы купить цветы своей девушке.

Сюжет «Предсказания» динамичен и увлекателен. Есть здесь и чистая любовь, и элементы боевого детектива: погони, слежка, мафиозные разборки.

Волшебное здесь так естественно входит в настоящее, что, порой, не замечаешь пограничной линии между ними.

В романе есть шутки и драмы, подвиги и предательства, интриги и лирическая поэзия, но все в нем цельно и все на своих местах. Может быть именно поэтому «Предсказание» Андреевой читается на одном дыхании, как впрочем, и всякая настоящая литература.

Максим Швец

За ночь на Красной площади как будто из-под земли, или даже ниже, из самой дьявольской лесопилни, возник деревянный сруб. Ни Богу свечка, ни черту кочерга, ни дом, ни сарай: – так, не пойми что такое: деревянный короб без окон и с одной дверью, на которой, впрочем, со стороны площади была приделана ручка и крючья для засова.

Хоромы эти предназначались для самого главного чернокнижника и звездочета, для колдуна, наводящего порчи и уличенного в причинении немалого зла особе государевой, еретика Квириниуса Кульмана и дьявольского его прислужника Кондратия Нодермана¹.

¹ Квириниус Кульмана (р. 25 февраля 1651 г. Бреслау). – философ и мистик, немецкий барочный поэт, последователь Якоба Бёме, через полвека после Мора загорелся идеей объединить человечество в единое христианское царство на земле на основах общего имущества, свободы и равенства. Сперва Кульман двинулся в Константинополь с надеждой обратить турок в христианство, за что султан приказал дать ему сто ударов по пяткам. Позже в Амстердаме Кульман познакомился с живописцем Отто Гениным, отец которого служил чиновником в Москве. Кульман отправил «Послание московским царям», в котором были изложены основные догмы его учения. В Москве у Кульмана нашлись сторонники. Купец Кондратий Нодерман сделался агитатором кульмановской идеи создания рая на Руси, чем донесли властям. Кульмана и Нодермана доставили в приказ, пытали как еретиков, а затем 4 октября 1689 г сожгли.

Оба злодея должны были войти в построенный для них сруб и сгинуть в нем навечно, потому как для такого дела есть доски сухие, да бревнышки надежные, так что взовьется красный петух над неказистой постройкой, обовьет ее своими оранжевыми крылами, рассыпет искорки. Любо-дорого поглядеть православному люду, как сгинут в горящем пекле, точно в геенне огненной, богомерзкие иноземцы.

Народ вокруг сруба того давно уже кругами ходил, да и внутрь непременно бы заглянул, не стой тут же строга да матерюжная стража. Правда, добры молодцы больше для важности и солидности напускали на себя строгий вид, и, скорее всего, им самим страсть как хотелось почесать лясы о предстоящей казни, но служба – дело подневольное, не приходится делать что хочется нужно что велено справлять и помалкивать.

А то помнят еще стражники плахи, на которых секли головы стрельцам, земля еще от крови не просохла, не все заупокойные произнесены. Целы плахи, потемнели только, точно кровью напитавшись, сделались они живыми, голодными и готовыми к прыжкам чудищами. Так что каждую ночь кажется солдатам, будто порывкая и утирая вонючие слюни подбираются к ним ожившие деревянные эти упыри.

Да еще ходят среди них неотмоленные души казненных, забывших свои имена людей. Что особенно плохо, потому как нет возможности заказать на них поминальные да на скудное жалование свечки в церквях поставить.

К месту казни Кульмана и Нодермана привезли на обычной телеге; в холщовых рубахах, без сапог, с растрепанными волосами и бородами они казались нераскаявшимися и опасными колдунами. В толпе многие крестились, отводили глаза, опасаясь черной магии и в страхе не смея сойти с места. Отчаянно Кульман шарил взглядом по толпе простолюдинов, в надежде выискать в ней знакомое лицо, но тщетно.

Осужденных поставили на колени и произнесли приговор, сухенький священник протянул к запекшимся губам астролога крест, – православный, а не католический, – и тот, машинально поцеловав его, закричал в толпу, в серое, обманувшее его надежды небо: он проклинал царя и предсказывал скорую кончину мира... И еще говорил он, что царь-де – Антихрист, и еще попомнят люди, его, Кульмана, слова, поплачут кровавыми слезами, когда по пророчеству древнему постройт он город на негодном месте, и простоит сей град триста лет и три года и сгинет в три дня. О том помните, люд! – взывал к ним пришлый колдун, плакал и молился рядом бледный Кондратий. Но все было тщетно, предупрежденная о чем-то подобном стража затолкала приговоренных в сруб и, забив дверь двумя досками, зажгла огонь.

В тот же момент в Троице-Сергиевском монастыре со страшным скрипом и треском первый раз дыба вознесла к прокопченному потолку расстриженного монаха Сильвестра Медведева², названного врагами ересиархом.

Найденные при обысках рукописи Кульмана и Медведева были тщательно рассортированы, разложены по ящикам и с грифом повышенной секретности отправлены на высочайшее имя. По тому, с какой тщательностью работали судебные люди, можно было понять, что порученное им дело действительно являлось наиважнейшим, но основной искомый документ так и не был обнаружен.

² Сильвестр (в миру Симеон) Медведев – духовный писатель 11641 – 1691). Был подьячим сначала в Курске, потом в Москве. В 1665 г. поступил в новооткрытую школу Симеона Полоцкого, изучил латинский и польский языки, риторику и пиитику, познакомился с историей, богословием, философией и сделался ревностным учеником и последователем Симеона. Сопровождал боярина Ордина-Нащокина в Курляндию, а потом в Андрусово при заключении мира. В 1674 г. принял монашество в Путивле. В 1677 г. вернулся в Москву, где был назначен справщиком и книгохранителем на московский печатный двор; принимал большое участие в исправлении церковных книг. По смерти Полоцкого в 1680 г. Сильвестр сделался главой партии малорусских ученых в Москве. Был назначен настоятелем Заиконоспасского монастыря. Был придворным поэтом. Завешан в заговоре Шакловитого, был казнен.

Глава 1

Мобильник зазвучал, как всегда, не вовремя и с таким психованным вскриком, как будто от того, дозволится ли он свою хозяйку или нет, зависит как минимум, судьба мира.

Испуганный внезапной сиреной, водила резко надавил на тормоза. Машина, крутанувшись на месте, остановилась посередине Невского, создавая аварийную ситуацию.

Ольга поднесла сотовый к уху, наблюдая через стекло, как ехавшие за ней машины прилагают усилия не врезаться теперь в нее. Справившись с шоком, водитель буркнул извинения, занимая утраченную полосу.

– Алё. Слушаю.

– Это Ольга Дан! – не спросил, а скорее констатировал голос. – вы должны меня помнить, я обращался к вам в прошлом году по поводу копия для немецкого коллекционера. – Последовала пауза. Машина Дан свернула на улицу Восстания и поехала по ней. – То есть, вы не можете помнить мой голос, мы общались через посредника, но... в этот раз, я не смог выйти на него, чтобы заручиться необходимой в таких случаях протекцией. Вы меня понимаете? Меж тем дело, которое я хочу вам поручить, срочное и, поверьте мне, очень хорошо оплачивается.

– Я прекрасно помню вас, Иннокентий Иванович, – Ольга нахмурила лоб, воссоздавая в памяти обстоятельства дела. – Я никогда не беру заказ, не выяснив личности заказчика и его кредитоспособности. Что же касается посредника, то не знаю как вам, а мне не нужен ни мальчик для битья, ни страховка. – На самом деле Ольга лукавила, она всегда работала с прикрытием, но на этот раз посредник бесследно исчез, быть может даже был убит. А такой информацией с потенциальным работодателем не делятся.

– Где бы мы могли поговорить? Я предпочитаю у вас или у меня. Где вы в настоящий момент?

– Подъезжаю к Итальянской.

– Значит, едете домой. Великолепно. Через тридцать минут буду.

Несколько секунд Ольга слушала гудки в трубке, означавшие только одно – спокойному домашнему вечеру с сыном не бывать.

Отдав распоряжение водителю заехать за Алешей в школу, она кивнула дежурившему у дверей менту, быстро зафиксировавшему дату ее возвращения в журнал, и поднялась к себе на второй этаж.

«Прошлогодние клиенты», надо же, какая удача, а она – то уже считала контакт потерянным. Тогда они здорово заплатили, несмотря даже на то, что не все было выполнено. На самом деле заказ был на два предмета, означенное старое копьё и камень. По поводу последнего еще была какая-то путаница, свидетели называли его то камнем, то чашей. Ольга так и не разобралась, чем же он был на самом деле, и видел ли его кто-нибудь воочию. Считалось, что в блокаду его приобрел один питерский антиквар. Но тот пропал без вести в сорок четвертом, не оставив миру наследников, а Ольге зацепочки. Зато копьё она нашла.

Минута в минуту домофон предупредил о приходе гостя. Ольга ждала его, вертя на плите кофеварку. Единственное, что она умела готовить, был кофе, все остальное, начиная от салатов и кончая тортами, закупалось в магазине, обед стряпали приходившая убирать женщина или гувернантка сына.

Иннокентий Иванович оказался высоким и потрясающе красивым мужчиной между сорока и пятидесятью: коротко стриженный блондин с правильными чертами, как у персонажей советских плакатов, но в духе времени, с очками в тоненькой, скорее всего, золотой оправой на носу. Ольга оценила безумно дорогой «Ролекс» на правой, как носят левши, руке

и не бросающуюся в глаза роскошь костюма. Мужчина словно источал лоск и довольство, но, в отличие от многих других новых русских, делал это прилично.

– Вы слышали что-нибудь о Сильвестре Медведеве и о его предсказании о гибели Петербурга? – спросил, Иннокентий Иванович, вольготно расположившись в кресле у журнального столика, пока Ольга расставляла на столе чашки.

– Медведев, Медведев... – Дан изобразила на лице работу мысли. – А что такое, нездоровый мистицизм и неоплаченные нервы? Кто он? Где живет? – Она присела рядом, отправляя себе в чашку сахарозаменитель. – Сильвестр, звучит как Сильвестр Сталлоне. Он что, из актерской братии?

– Скорее из монашеской, – поморщился гость. – Родился в 1641, умер в 1691, совсем ничего можно сказать. В 1674 в Путивле принял монашество, с 1677 в Москве был назначен справщиком и книгохранителем на московский печатный двор. Доподлинно известно, что принимал огромное участие в исправлении церковных книг, знал латинский и польский языки. В школе Симеона Полоцкого изучал риторику, пиитику, философию, историю и богослужение. Как видите, довольно образованный малый, поэтому мы не можем не считаться с такой вещью, как его предсказание, тем более, что дата стремительно приближается, а мы, извините, еще в Питере.

– Ну, не знаю... – заинтересованная вначале Ольга к концу речи выглядела растерянной. – История – не мой профиль. Где я буду искать это предсказание?

– Я знаю, что это несколько не ваша область, но сумма, о которой идет речь, – он вынул из кармана изящный блокнотик и нарисовал в нем длинную гусеницу из цифр. – К тому же, мы не просим вас добыть конкретную бумагу того времени. Хотя, если она сохранилась, это было бы очень кстати. Документ может быть написан рукой Сильвестра или отпечатан в его типографии, правда, в то время требовалось особое разрешение на издание чего-либо, но вы как директор издательства понимаете.

– Да, если нельзя, но очень хочется – то можно. Значит, вам нужна бумага? А откуда вообще известно, что она есть?

В точку, – обрадовался Иннокентий Иванович. – О предсказании мы знаем не много, буквально из книг о легендах Питера и самиздатовской литературы. Но, может, вы не в курсе, любой слух о конце света или какой-то его части проверяется с тщательностью и дотошностью. А в Питер, слава Богу, вкладываются такие капиталы, что в случае катастрофы многие сегодняшние финансовые воротилы попросту будут разорены.

Иными словами, вам предстоит найти этот документ, или свидетельство, что он когда-то действительно был, и либо в результате вы опровергнете его, либо подтвердите.

Собственно, сам текст предсказания широко известен, – он закатил глаза, – «Царь-антихрист воздвигнет город на непотребном месте, и город сей погибнет через триста лет и три года – за три дня» – то есть, в 2006 году.

– Простите, я правильно вас поняла, вы хотите, чтобы я принесла вам нечто типа письма Таракановой к ее гувернантке, в котором красочно описывается, что она держала вчера в руках означенный документ и по ошибке бросила его в камин? И все?

В голове Ольги запрыгали шальные мысли.

– Не Таракановой, а значительно раньше, я бы поверил секретным протоколам пыточной палаты, или, может, остались письма Шакловитого³ к кому-нибудь из соратников. Потом, я понимаю, что люди могут ошибаться, обольщаться, наконец, просто врать. Медведев широко известен как мистический писатель, меж тем, после его смерти все его бумаги были арестованы, и только недавно церковь сняла запрет на публикацию его произведений.

³ Фёдор Леонтьевич Шакловитый (?—1689) – окольничий, фаворит царевны Софьи Алексеевны. Подьячий Тайного приказа с 1673 г., глава Стрелецкого приказа с 1682. Руководитель заговора против Петра I в 1689. Казнен.

Предсказания, сплетни, как известно, легко передаются в устной традиции, но чтобы эта традиция не умирала, кто-то фиксирует все это на бумаге. Короче, от вас мы ждем либо сигнала сворачиваться и продавать дела в Питере, либо наоборот, продолжать привычную жизнь. Принесите мне страницу, на которой написан полный текст предсказания, датированную временем правления царевны Софьи⁴, или, на худой конец, свидетельство, которому можно поверить, и сумма удвоится.

Было заметно, что он не потерпит ни малейших возражений.

– Будете отчитываться о проделанной работе еженедельно. Мы должны знать о каждом вашем шаге. Наши специалисты подскажут вам, если это будет необходимо, возможные ходы. Работу начать лучше прямо сейчас, на все про все у вас месяц. Задаток будет перечислен на тот счет, который вы сами укажете, – он встал и направился к дверям. – Надеюсь, что вы не разочаруете нас, дело повышенной важности. Звоните мне на мобильник. Я лично буду контролировать это дело.

Ольга кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Гость проскользнул в дверь, как унесенный ветром сигаретный дым, оставив ее в полнейшем замешательстве.

Во-первых, она терпеть не могла, когда ею командовали. Начальства не признавала, а посредника при случае могла использовать как боксерскую грушу, что способствовало разрядке и снятию напряжения, которого хватало при ее двойной деятельности хозяйки издательства «Дар» и владелицы частного детективного агентства. Здесь же она была вынуждена сама отчитываться за каждый свой шаг.

Во-вторых, дело, порученное ей, было необычным уже потому, что даже заказчик толком не знал, что искать.

В-третьих, странное предложение пришло именно тогда, когда у Дан собственных проблем было выше крыши. То есть проблемы касались конкретно крыши, – пермских братков, которые вознамерились попросту пришить ее, чем усложняли как жизнь, так и ведение каких бы то ни было дел.

⁴ Софья Алексеевна (Романова) (17 (27) сентября 1657 – 3 (14) июля 1704) – царевна, дочь царя Алексея Михайловича, в 1682–1689 г. – регент при младших братьях, Петре и Иване.

Глава 2

«Не знаю почему, но иногда мне кажется, что вот-вот, – и из меня польются полноводные реки поэзии. Реки, а не река, – потому что сразу же и во все стороны, как лучи звезды, как лепестки цветка. Я сдерживаю ревущую во мне стихию, но знаю, что бой этот все равно когда-нибудь будет проигран мною.

Я останавливаю себя, говорю: «Ну куда ты?». Поэзию сейчас никто не покупает, сосредоточься на статьях, спасибо, что хотя бы они приносят тебе еще иногда деньги, напиши рекламу. Ты же талантлива и, по определению, должна быть талантлива во всем. Но Бог знает, как тяжело это сопротивление. Как тщетны попытки».

Лада перечитала получившийся текст и отправила его во второй ящик стола, куда она складывала подобные этой неожиданные заметки.

Телефон молчал, уже дня два как молчал. Хотя кто знает, быть может он отчаянно звонил, когда Лада выходила в магазин, мылась в душе или просто крепко спала.

«Надо в конце концов купить автоответчик», – мудро констатировала она, отчетливо зная, что никогда не сделает этого. Автоответчик убивал иллюзии. Нет ничего страшнее, чем приходить домой и убеждаться, что не было ни одного звонка. Потому что это значит, что ты совсем никому не нужна.

Отсутствие контролера дает возможность мечтать. Конечно, тяжело думать, что по собственной глупости прошла мимо поджидающего тебя в подъезде счастья, не признав его в чертах местного алкаша. Но еще труднее... В общем, понятно.

Лада легла на диван, убивая по памяти всех паразитов, которые могли бы, но не позвонили ей. Телефон молчал.

Обазарист – адепт базара. Мэтр тусовки, герцог трепа. Человек, отвлекающий тебя от дела, в одну секунду настраивая на свою волну, по которой тебе, хочешь – не хочешь, придется нестись, как на серфинге. Что это дает? Ничего. Все не так скучно.

«Долюшка русская, долюшка женская» – нужно ждать, стариться у телефона, пускать корни, прирастая к дивану. Можно отрастить ногти или отпустить волосы, можно не мыться или поселиться в ванне. Можно написать роман и венок сонетов. Можно перепутать чужие кармы и перепланировать на свой лад будущее планеты, перемешать предсказания, сны, мечты, одинокие ночные вскрики да сексуальные фантазии и еще много чего.

Но это не изменит ожидания. Ожидания – насекомого, жующему тебя своими жвалами, вонзающему жала. Насекомого о миллионе черных тел с клешнями и ложноножками. Ждать – значит жать; выжимать, это желанье дать, отдать и отдаться без остатка. Но опять-таки, нужно ждать своей очереди, когда освободится очередной страстеприемник, пожира-тель чужих чувств, опустошитель всего и вся.

Нет, надо чем-то заняться. Полить цветы. Купить новый купальник. А то вдруг кто-нибудь, наконец, догадается пригласить на Вуоксу или хотя бы в Кавголово. Лето, на улице градусов тридцать жары. Можно убрать комнату, сделать новую прическу и макияж. А потом сидеть накрашенной куклой посреди этого великолепия. Можно спасти мир, выбросить елку, можно съездить к детям или, наконец, устроиться на работу. Можно еще поучаствовать в мистерии.

Вспомнился давний случай, когда она вроде совсем уже прошла на главную роль в каком-то грандиозном проекте, готовившемся на Пушкинской лет десять назад. Но так и не дождалась звонка от режиссера. Хотя, может быть, это были не режиссер. Может, он был псих, прожектор или обазарист.

Наконец-то она нашла нужное слово. Словолитня Лады Дан работала неспешно, выплавляя неологизмы штучным товаром, единственным в своем роде произведением. «Обазарист» было ее последним открытием.

Да, именно с обазаристом, высушенном, как вобла на Одесском привозе, познакомилась Лада еще в старом Сайгоне. Не в этом, новорусском, а в настоящем, где варили классный кофе и собирались хипы. Оказавшийся художником обазарист поставил чашку на столик, где уже устроилась Лада, и, заглядывая в глаза, предложил вырезать ее из рисунка реальности.

Да, Лада была уверена, что он именно так и выразился. Конечно, она понятия не имела, что это значит, но на всякий случай сказала «нет». Хотя это мало что изменило, он все равно не слушал, наверное, ему вообще не нужно было ничье согласие. Он взял чистый листок бумаги и начал вырезать на нем профиль с длинными прямыми волосами.

– Ваши волосы, большая редкость, милая леди, абсолютно прямые. Правда, таких волос нынче днем с огнем не сыскать. Волосы русалки, подлинно. Вы, должно быть, из Прибалтики? В Литве полно русалок. Интересно, ваши предки... – он ловко орудовал ножницами.

– Моя мама наполовину латышка, – Лада начинала сердиться. Борьба за места у столов в Сайгоне в последнее время приобретала характер боевых действий, не исключено, что и старикашка в конечном итоге хотел избавиться от соседки.

– Да, да... возможно... Вы не обращали внимания, что похожи на каменных девушек с Садовой? Думаю, это не случайно. Так как грядут интересные события и можно будет принять в них участие. Как вы смотрите на то, чтобы сыграть роль в предстоящей мистерии?

– А что за мистерия? Вы режиссер?

Он уже закончил ее изображение и нацелился прикрепить его теперь к листу цветной бумаги канцелярской скрепкой.

– Я, скорее, ассистент режиссера, – он достал уже слегка потрескавшийся рисунок с изображением странного двухголового мужчины, сидящего на камне и о чем-то напряженно думающего, отчего его правая голова оперлась на кулак, в то время как левая то ли считала ворон, то ли просто пьяно орала песни. – Вот режиссер. А мистерия будет и правда впечатляющей. Это я вам обещаю.

– На Пушкинской? – Лада вспомнила, что действительно, скоро «Пушкинская, 10» и фонд «Свободная культура» справляет свой очередной день рождения. Почему бы и не мистерией? Она взяла в руки фотографию и принялась рассматривать ее. Двухголовый явно нравился. Задумчивая голова его была головой интеллигента: длинные черные волосы выдавали богемный склад ума, зеленоватые глаза смотрели вполне дружелюбно, в то время как вторая голова принадлежала явно анархисту и раздолбаю. Всклопоченные волосы, разбитые очки, широкие кустистые брови. Да, этот тип мог бы, наверное, примкнуть к футуристам или организовать философский диспут за ларьками на Сенной. Наверное, фотограф, выполнивший этот коллаж, хорошо знал двойственную натуру своей модели, если изобразил его таким образом.

– Мистерия будет проходить во всем городе, – отвлек ее от раздумий обазарист. – Особенно в его исторической части: Невский, Петроградская сторона, Крестовский, Каменный, Васильевские острова. А также метро и крыши домов.

– Грандиозно! – изумилась Лада. – А кто же оплатит все это великолепие?

– О, у нас надежные спонсоры, – он воздел глаза к небу. – Кредит, конечно, не неограниченный, но умело пользуясь белыми источниками и черным налом... Думаю, мы обречены на новый Армагеддон! Вы позволите ваш телефончик?

Лада взяла любезно протянутую ей ручку и записала семь цифр и имя «Лада». Потом подумала и приписала «Дан».

– И какова моя роль? – она глотнула кофе, протянув старичку бумажку с телефоном. Кофе успел остыть и был холодным, но очень сладким.

– Лада Дан?! Дан?! – собеседник, опешивши, смотрел на ничего не понимающую девушку. – В пророчестве сказано: «И будет им Дан...». Вы, конечно, слышали это пророчество? – он пылливо уставился на Ладу.

– Что? А, пророчество? Конечно. Так какая роль? – на самом деле Ладу страшно интересовали любые пророчества, но вопрос о роли в мистерии был на первом месте. В конце концов, если она получит роль, то в сценарии все равно все будет прописано.

– Дан!.. – как завороченный, произнес старик. – Роль? Одна из ведущих разумеется. – Он улыбнулся, уже окончательно придя в себя, и разложил перед девушкой разноцветные листочки картона. – Смотрите: желтый, почти что золотой – не совершенство, конечно, но заметны потуги на монашество. Зеленый – свобода, покой, уют лесного дома, место обитания друидов и эльфов. Синий – моря королевской крови, геральдический и сильный. Голубой – цвет романтиков и мечтателей. Фиолетовый – одиночество открытого космоса. Красный – страсть, кровь, жизнь, раскрытый цветок мака. И, наконец, оранжевый. Я еще не понимаю, что значит оранжевый, но, может быть, это ваш цвет и вы узнаете его. Хотя нет, – он испуганно прижал к груди оранжевый листок картона. – Этот цвет для маленького мальчика. Я чуть было не сделал роковую ошибку. Ваш темперамент видится мне как трагедийный, вы Жанна д'Арк. Ваш цвет на этой мистерии, бесспорно, красный, – с этими словами обазарист прикрепил белый силуэт к красному листу картона.

После чего закрыл глаза и замолчал. Лада смотрела на свой профиль на красном фоне, который то ли от соседства с белым цветом, то ли от какой-то игры света вдруг засиял, точно открытая рана. Ей уже приходилось видеть большую, сияющую, как мистический цветок, рану, в больнице, куда она поступила однажды после аварии. Ранен был водитель, ехавший с ней. От внезапного толчка Лада потеряла сознание, очнувшись только в больнице. Там, как-то вырвавшись из рук пытавшихся оказать ей помощь врачей, она бросилась к пострадавшему водителю и... Тогда увиденное поразило Ладу Дан так сильно, что она не могла сойти с места, трясаясь и проклиная себя на чем свет стоит. Теперь она в полном ужасе смотрела на белый, точно утопающий в крови силуэт и думала, на что же она подписалась.

– Все в порядке, – наконец ожил старикашка. – Ваша кандидатура утверждена. Двухголовый все подписал. С этого момента можете считать себя в штате.

– В каком еще штате?! – не выдержала Лада. – Вы что, меня за дурочку принимаете? Кем утверждена? Какая мистерия? Вы просто псих ненормальный, и все! – она положила фотографию на стол и пошла к выходу.

– Ждите, с вами свяжутся, – напутствовал художник.

– Странно, с чего это вдруг припомнилась такая даль? – спросила она себя вслух. – Может, потому, что я всегда верила в избранничество и судьбу?

Мистерий с тех пор было, конечно, навалом. На одной только Пушкинской штук десять. Народ любит называть свои действия мистериями, хотя многие из них могли претендовать на не менее древнее наименование «позорище». Впрочем, не суть.

На следующий день Лада Дан решила если не взяться за ум, то по крайней мере попросить сводную сестру Ольгу Дан дать ей работу.

Елка же на ее балконе обреченно продолжала ждать неизвестно чего.

Глава 3

Лада поравнялась с железной дверью издательства «Дар» как раз, когда та с грохотом растворилась, и оттуда вылетела заплаканная барышня с раскрытыми папками, из которых как попало торчали листы бумаги.

– Будь проклята, Дан! Чтоб тебя разорвало, сука поганая! Тьфу! – проорала она на ходу и скрылась за углом дома. Лада услышала звук рванувшей с места машины и вошла в дверь.

«Ничего себе приветствие! Будем надеяться, что истеричка была конкуренткой. А значит, черт с ней. Но «"Будь проклята, Дан"?»

Однако делать было нечего. Она прошла в приемную, где уже ожидали своей участи два литератора мужеского пола и одна перезрелая хипарка в вязаной кофте, больше похожей на скатерть, какие еще встречаются иногда в комнатках старушек. Хотя, не исключено, что кофта была сделана как раз из такой скатерти. Лада посмотрела на объемную грудь писательницы, мысленно располагая на ней чашки и бублики. Картинка получилась в духе Феллини.

Тем временем дверь главного редактора открылась, и из нее вывалился бледный и обескураженный чем-то человечек с портфельчиком в дрожащих ручках.

«Без кровоподтеков и синяков», – подметила Лада.

Дело в том, что ее сестра, знаменитая Ольга Дан, отличалась бешеным темпераментом, крайней злобливостью, гневливостью и самодурством. Адская смесь хамства, грубости и крайнего интриганства сделала из нее единственного и последнего лидера кровавой литературы.

Так, заключая договор «О передаче исключительных авторских прав на произведение», автор автоматически подписывался находиться в безусловном рабстве и зависимости от желаний самодурки. Неоднократно было замечено, что Ольга Дан избивала непослушных подчиненных как в своем кабинете, так и на их рабочих местах. Ей ничего не стоило побрить наголо молодую перспективную детективщицу, посчитав, что «тифозный» имидж подойдет ей как нельзя лучше и привлечет дополнительную выручку в издательство. Ольга спаивала людей, делая их зависимыми от спиртного, сажала на иглу, добиваясь духовного просветления и, естественно, подобающих гению текстов. Ольга подкладывала под авторов блядей, потом блядей с заразой. Лечила от пьянства, наркомании и СПИДа, который на поверку оказывался рядовым сифилисом. При помощи баб, наркотиков и выпивки Ольга создавала райские кущи, за право оказаться в которых бились не на жизнь, а на смерть самые известные из продаваемых писателей.

И все это приносило ей немалый доход. Ольгу проклинали, регулярно пытались убить или пустить по миру. Ее клеймили в прессе, распинали в листовках. На Ольгу буквально молились и не канонизировали только потому, что боялись, что это не понравится ее темному покровителю.

Именно к этому черту в юбке пришла Лада. Почему? Ну, наверное, потому, что Ольга умела работать. И, сжалась она над сестрой, дав ей редактуру, потом, надо думать, выжмет за это последние соки и будет грузить, грузить, грузить, пока не...

Лада потеряла виски:

– Зато пока я буду работать у Ольги, буду сытой и при бабках. Как это у графини Паниной: «Нужный человек в нужном месте в нужное время». Уж лучше быть загруженной любимой работой, чем бегать по городу в поисках оной или сидеть дома перед молчащим телефоном.

Меж тем из кабинета вышел следующий посетитель.

«Опять по нулям» – определила Лада. К Ольге Дан приходят либо одержимые, либо конченые. Сейчас она разберется с отстоем и...

Опередив следующего посетителя, в кабинет Дан ворвался плечистый охранник в камуфляже с маленьким, явно не уставным автоматом на груди.

Из раскрытой двери до Лады донесся его громовой шепот.

– Алексея охраняют двое лучших сотрудников. Пермские думают, что вы будете ждать автора в бистро на Думской, так что пока они разберутся что к чему, у нас добрых полтора часа. Но чем черт не шутит, лучше поторопиться.

– Дерьмо! – Ольга Дан вылетела в приемную. – Я еще не говорила с Линдой. Она прислала свою девочку? Лена, все прочие встречи отменить, – зыркнула она на подоспевшую секретаршу. И, обведя взглядом посетителей, заметила Ладу.

– Вы... как вас? Переводы? Да? Очень убедительно. Позвоните мне через недельку, – ее глаза, два острых лезвия, светились непрерываемым металлом.

– Оля! Ты не узнаешь меня? – Лада смотрела на нее огромными испуганными глазами. «Вот сейчас уйдет. И все».

– А... Ты? – Дан обдала сестру холодом и тут же перевела взгляд на зеркало, в котором они отражались. – Ты как тут? По какому вопросу?

– Я, понимаешь, Оля...

– Быстрее. Четче. Только суть. Минута, – отчеканила Дан и, взглянув на часы, сообщила: – Время пошло.

– Литературная обработка, редакция, ну, может, хотя бы корректура, – выпалила Лада.

– Понятно. Пошли.

Лада вошла в просторный кабинет. Стол буквой «Т», на котором проще пытаться, чем работать. Карта города над креслом начальника, шкаф, безвкусные диванчики. Все как обычно.

– С письмами работала?

– Эпистолярный жанр мой любимый, – соврала Лада.

– Решено, – Ольга вытащила из ящика стола, как показалось сестре, первую попавшуюся папку и сунула ей в руки. – Поедешь сейчас на Думскую в бистро «Игуана». Там тебя будет ждать известный патологоанатом Василий Маркович Мартон. Отдашь ему материалы и заберешь письма и записки. А то у него стиль изложения хромает. Ясно?

– Ясно! – Лада не могла поверить своему счастью.

– А ясно, тогда раздевайся.

– Как?

– Ольга, у нас нету времени, – попытался вставить словечко охранник и тут же исчез за дверью.

– Василий Маркович не лох какой-нибудь. Ты будешь работать как его секретарь, так что и одеваться должна соответственно.

И Ольга, недолго думая, вытащила из шкафа вешалку с серо-зеленым костюмом и бросила на стол перед Ладой.

– Быстро, у меня времени нет. Свои вещи оставишь здесь. Никто их не тронет. Через тридцать минут Василий Маркович будет тебя ждать. Опаздывать не рекомендую.

– Полчаса! Но только до метро минут двадцать. – Лада испуганно уставилась на Ольгу.

– Поедешь на моей машине. Все. Аркаша, проводи.

С этими словами Ольга развернулась на сто восемьдесят градусов и вылетела из кабинета. Со стороны могло показаться, что она выстрелила собой, словно камнем из рогатки. В ту же секунду верзился охранник шаркнул ножкой и вытащил Ладу за дверь. На улице ее уже ждал голубой «Фольксваген».

– В один конец, – буркнул он водителю, помогая Ладе усесться на сидение. Из вещей у нее в руках была только заветная папка с надписью «Разное», которую Лада прижимала к груди.

Ольга и ее заместитель по маркетингу Сергей Сергеевич Безруков сели в следующую машину. Какое-то время оба молчали.

– Оля, а кто эта женщина? – во время переодевания Лады Сергей Сергеевич возник в кабинете директора, словно сотворился из воздуха. И спокойно пронаблюдал всю сцену антистриптиза.

– Женщина? – Ольга посмотрела в глаза заму. – Сестра.

– Сестра? – ужаснулся он. – И вы отправили ее туда?!

– Сводная. Не сестра и была, – Дан сплюнула на пол. – Жаль, костюм почти новый.

Едва Лада устроилась со своей папкой у указанного водителем столика, как раздались автоматная очередь и звон разлетающегося вдребезги стекла.

Отвезший Ладу водитель «Фольксвагена», теперь преспокойно стоящий в двадцати метрах от кафе, вынул из нагрудного кармана куртки трубу, и, набрав номер, произнес:

– Успели к сроку. Пермские ничего не просекли. Возвращаюсь в издательство.

Глава 4

Дурные предчувствия не покидали Дан. С тех пор, как она получила задание разобраться с предсказанием о гибели Питера, все пошло наперекосяк.

Во-первых, издательство «Дар», используемое Ольгой в основном для прикрытия своей истинной деятельности, не занималось историческими романами, а, значит, и в архивах никто особо не умел рыться и прямых специалистов-историков не было.

Во-вторых, пророчества и предсказания – скорее мистическая тема, нежели криминальная. Можно, конечно, постараться и откопать реальные документы прошлых веков, но это же ни в какие ворота не лезет.

Клиент стоял на своем. Отказывать таким людям было не в правилах Дан. Да и не потерпели бы они отказ.

Из последнего непродолжительного телефонного разговора Дан уяснила следующее: почему-то шишка верил в это предсказание самым настоящим образом, собираясь в случае, если правильность его подтвердиться, мотать удочки пока не поздно.

«Бизнес многих деловых людей напрямую связан с Питером», – вдалбливал ей высокопосаженный.

«Скорее всего, они торгуют землей, – рассуждала про себя Ольга, – так, в случае реальной опасности можно и распродать ее конкурентам, чтоб их покорчило. Деньги за разгадку сулились такие, что ни в сказке сказать, но и ошибиться в таком деле не могли. Одно слово: если тебе не везет с первого раза, работа сапера не для тебя.

И теперь в ее кабинете сидел человек, которому она могла доверить это дело. Доверить поиск, а не получение гонорара, разумеется. Поэтому и действовать следовало не сразу, а как бы издалека.

– Итак, – Ольга одарила Сергея Сергеевича доброжелательным взглядом. – Вы хотели рассказать о тенденциях в литературе, которые вам удалось обнаружить. – Она кивнула, приготовившись слушать, но думая при этом о своем.

Миниатюрные кисти зама задергались, как бывало всегда, когда Ольга обращалась к нему с высоты своего положения. Мелкий, щуплый, бесцветный, – он раздражал бы ее меньше прочих мужиков, если бы был неподвижным чучелом в углу кабинета. Пугалом, на которое посетители вешают плащи и нахлобучивают шляпы. Но в качестве человека Сергей временами ее даже бесил. И все же она терпела, памятуя о недюжинном уме и интуиции бесцветного человечка.

– Итак, – повторила она, придавливая Сергея Сергеевича, как ненавистного таракана. – Я вас слушаю.

– Я только сразу предупреждаю, что это не боевики, не мордобой и не мужское чтиво, – протараторил заместитель, испуганно поглядывая на директоршу и не веря в собственную смелость.

– Не чернуха, не грязнуха, и не порнуха, – помогла ему Ольга. – Ну и слава Богу. Если это будут покупать, то почему бы и нет.

Она потянулась. Ольгу Дан раздражало, что все вокруг считали ее приверженкой бульварного чтива. В то время как она всего лишь занималась маркетингом.

– Да расслабьтесь вы, Сергей Сергеевич. Мы ведь уже запустили пробную серию лечебки. И заметьте, никто пока не умер. Я вложила бабки и скромно жду, когда, согласно вашему прогнозу, поплывут денежки. А сегодня вы вдруг заявляете о новой тенденции. Чудесненько. Правда, это означает расширение производства или замораживание старых проектов. Да? – она скорчила комичную гримаску. – Меж тем денежки писакам заплачены,

агенты дрыгаются, партнеры изображают судороги, а отдел маркетинга в вашем лице заявляет, что все это фуфло и надо заниматься новыми тенденциями. Я в восторге!

Сергей побледнел и попытался было встать, но Дан опередила его, пригвоздив к стулу убийственной улыбкой.

– Не пугайтесь, Сережа, где наша не пропадала! В случае неудачи возместите убытки, и все. На крайняк подключите Шлимана, он ведь ваш приятель. А за компанию, как известно, и жид удавится. Так что смотрите. Пойдет ваш новый проект – я вас по-честному в долю возьму, а нет – будете возвращать денежки. Рулетка...

– Я собственно... Но, впрочем, Шлиман со мною согласен, с его астрологической точки зрения как раз эта тенденция вполне видна. Но я не знаю, своевременно ли? Дело в том, что самый интересный момент планируется лишь в две тысячи шестом году, а потом все пойдет точно по нарастающей, так что времени на раскрутку сколько угодно, – он поправил круглые очки.

– В общем, просматривая литературу последних лет, я заметил сильный скос к мистицизму. Во всех текстах, которые я получил, фигурируют черные и белые ангелы, архангелы, духи, забытые боги...

– Что же такого? Я издаю боевики – мне и несут боевики. Возьмись я завтра за костюмчики для Барби, – потащат кукольные тряпки и домики. Все знают, что вы всему на свете предпочитаете эзотерику и магию, а Шлиман роется в астрологии.

– В том-то и дело, что Шлиман роет. И сколько-то лет назад рыл! Думаете, совпадение? Сколько сейчас повторений на имена? В литературе, на эстраде...

– Шлиман роет. Да, вот фамилия так фамилия, это тебе не Иванов-Петров-Сидоров. Хотя, может быть, среди евреев это не такая уж и редкость...

– Шлиман – это еще ничего! – Лицо Сергея порозовело, что случалось с ним не часто. – Скажите, помните ли вы фамилию человека, производившего в нашей стране опыты над собаками?

– Павлов... – Ольга развела руками.

– А теперь усложняем задачу. Кому мы обязаны денежной реформой в бытность Горбачева, оставившей тогда нас без денег? Мою семью, в частности.

– Павлов, – прыснула Ольга.

– Вот именно, в прошлой инкарнации на собачках натренировался, гад! – Сергей чувствовал себя победителем.

Хорошо. Это, конечно, очень интересно, только изложите мне это на бумаге. Может, и запустим. С чем черт не шутит. Раз уж Шлиман роет! Может, какую-нибудь Трою нам и нароет. А вот я хотела с вами, Сереженька, побеседовать. Поступило предложение написать авантюрный роман... – Ольга знала, что Сергей когда не надо отличается редкостной проницательностью, поэтому смотрела на него прямым, открытым взглядом. – Вы что-нибудь слышали о Сильвестре Медведеве?

– Медведев, Медведев, – Сергей пошарил глазами по потолку. – Это который на Пушкинской 10, что ли? Так он не Сильвестр, а Николай. Еще Медведев... – бесцветные глаза скользнули по стене, карте города, плакату издательства.

– Ищите в прошлом. Царствования Алексея Михайловича и Петра Алексеевича.

– А вы про того?! – вытаращился Сергей. – Кому это он понадобился? Ну, вроде из Курска, крещен Семеном.

Ольга скривилась, услышав ненавистное имя: дело в том, что так звали мерзавца, бросившего ее десять лет назад с еще не родившимся Алешкой.

– ... В монашестве Сильвестр. Ученик Полоцкого, участвовал в заговоре с целью посадить на престол царевну Софью. Я читал, что его сожгли прямо в доме или специально построенном срубе, конфисковав перед этим все бумаги, которые по сей день ни разу не

издавались и, судя по слухам, находятся за семью печатями. Так что до них не добраться. А подробнее... Поэт, придворный поэт, редактор, правщик (корректор), работал в типографии, имел доступ к старинным рукописям и переписывал их современным для того времени языком. Латинист, мистик... – он развел руками. – Можно и больше накопать. Например, ему приписывают предсказание о гибели Питера.

Ольга вздрогнула, по спине пополз холодок.

– ... Ну, я не думаю, что это серьезно, тоже мне Нострадамус нашелся. Я уже четыре конца света пережил, и ничего...

На столе запищал селектор, секретарша предупреждала, что явилась экстрасенс, автор популярной серии «Путь сердца» Линда со своими директорами. Ольга вяло кивнула коробке и посмотрела на Сергея.

– Почему ты сказал «приписывалось»?

– А кто его знает. Может, сам высчитал, а может, в тех же рукописях прочел, теперь не проверишь, разве что очевидцев искать, – в его глазах появилось оживление.

– Очевидцев? Да они все поумирали давно. Хотя, могут остаться свидетельства.

– Ну, возможно, кто-то и выжил, – он выдержал паузу. – Агасфер, например.

– Кто? – не поняла Ольга.

– Агасфер. Он же Картофилос – вечный жид.

– Ты бы еще сказал у дедушки Габадея спросить! Совсем сдурел, что ли?! – Ольга встала, намереваясь прекратить маразм.

– А как же ты хотела?! – глаза Сергея сияли странным холодным пламенем, в голосе появились металлически нотки. – С твоими мозгами да в сакральное ступить? Сказано же: «И слава Бога Израилева сошла с Херувима, на котором была, к порогу дома. И призвал Он человека, одетого в льняную одежду, у которого при поясе прибор писца. И сказал ему Господь: пройди среди города, посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, воздыхающих обо всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак. А тем сказал в слух мой: идите за ним по городу и поражайте; пусть не жалеет око ваше, и не щадите; старика, юношу и девицу, и младенца, и жен бейте до смерти; но не троньте ни одного человека, на котором знак, и начинайте от святилища Моего. И начали они с тех старейшин, которые были перед домом».

В полном ужасе Ольга схватилась за голову, показалось, что потолок двинулся к ней навстречу, желая расплющить беззащитную женщину.

– Впрочем, если нужно поточнее, можно покопаться в архивах, посоветоваться с Линдой. Хотя зачем такая точность? Главное, чтобы читателю удовольствие доставить. Поручим Батвинову хотя бы, он сейчас без дела, пропишет хоть мордобой, хоть конец света. Ремесло у него такое.

– Фальсифицировать?! – Ольга моментально вернулась на землю.

Дать фальшивку таким людям аналогично тому, чтобы обязаться три раза в день кормить их собственным мясом.

– Ты что, обалдел?! Совсем уже страх потерял! – накинулась она на подчиненного. – Давай! Двигай телом! Хоть с Агасфера, хоть со Сварога, но чтоб информацию стряс, и в четверг она у меня была.

Ольга выскочила в приемную и налетела на ползющую на четвереньках толстую. Рядом с нею крутились еще две: одна с прозрачной бусинкой на нитке – чудь белоглазая, другая, похожая на старую ведьму, направила на Ольгу две острые спицы.

Реакция сработала мгновенно, редакторша развела руки нападавшей, и заехала ей коленом в живот. Баба скрючилась, а Ольга накатила на коленопреклоненную толстую сервировочный столик и, подскочив к казалось, ничего не замечающей третьей, со всего размаху

толкнула ее в платяной шкаф и, закрыв дверцу на ключ, хотела уже продолжить с оставшимися, как вдруг к ней подскочили насмерть напутанные секретарша и Сергей.

– Оля, остановись! Это же Линда! – заорал Сергей.

– Линда? – Ольга посмотрела на шкаф.

«Линда, признанный маг, владелица салона, а главное, – ее, Ольгин, автор и заказчица, популярная, можно сказать, писательница. Которая, правда, ни одной своей книги самостоятельно не написала, но на общем фоне это как раз выглядело особенно солидно и достойно. И вот теперь – она в шкафу!»

Не придумав никаких объяснений и ожидая самого худшего, Ольга открыла шкаф, из которого вышла очень спокойная и даже какая-то просветленная, Линда.

– Здравствуйте! – звонко пропела она. – Ну и поле в этой конторе! Отстой, а работает! В шкафах вы что, трупы держите? А пол меняли?

– Ага, – кивнула Ольга, не соображая, о чем конкретно поле идет речь, и на всякий случай соглашаясь. Не верилось, что так просто все сошло с рук.

– То-то я смотрю – не родной он у вас. Поле кривое, но оригинальное. Кто у вас тут так работает? – экстрасенсша казалась довольной, ее голубые прозрачные глаза светились задором.

– Я, – пискнула готовая брякнуться в обморок секретарша.

– А как раз вам тут работать опасно, просто губительно, милочка. Да и не могли вы тут так нагадить. Чтобы так нагадить несколько инкарнаций учиться нужно. А, понятно. – Она рассмеялась. – Вас ведь проклинаят на каждом шагу, да? И убить не раз пробовали.

Ольга кивнула.

– ... Так вот, представьте себе картинку. В вас летит заточенный диск и – звяк, ударяется о направленный в вас же дротик. И так постоянно. Очень интересно. Не правда ли?

Глава 5

Вечером, когда Ольга подъезжала к Московскому вокзалу, видеореклама на большом экране выдала человеческую фигуру в длинных, до земли, одеждах, с распущенными по плечам волосами. Так что невозможно было определить пол загадочного персонажа. Силуэт был красным на мерцающем черным фоне, на котором вдруг высветились истекающие мертво-голубым пламенем слова: «Питеру стоять пусту!» Мгновение, – и все пропало.

В ту ночь Ольга не смогла заснуть. Сергей не звонил, а она сама не понимала, с чего начать. Информация о сожжении персонажа была передана секретарше Леночке, и, наверное, заказчики уже получили ее, но вот что давать им через неделю? Оставалось загадкой.

А тут еще, как на грех, пермские отморозки вознамерились освободить от Ольги планету.

Придя утром на работу, она на всякий случай скачала информацию о Медведеве с Интернета, но дальше дело не двигалось.

– Стоп, – сказала она сама себе, разгуливая по кабинету. – Что нужно выяснить в первую голову: было ли «предсказание» сделано тогда, или это новодел? Чтобы занять чем-то руки, Ольга начала раскладывать перед собой фотографии из конверта «Судебная медицина», судьба которых толкала их на обложки новой серии «Маньяки-чудотворцы».

Тот же Интернет отсылал к Евдокии Лопухиной⁵ – первой жене Петра, которой приписывалось выражение «Быть Петербургу пусту!» Но, простите, если это правда, то никаким предсказанием здесь и не пахнет, так как, согласно легенде, дамочка произнесла роковые слова после того, как муж оставил ее и сослал в монастырь. К тому времени Питер уже был. Меж тем, в пророчестве ясно употреблено будущее время: «Царь-антихрист построит город...». Голова с непривычки пухла от свалившейся на нее информации.

«Ничего не понимаю!» – ворчала про себя Ольга, в который раз перекладывая с места на место фотографии. На самом деле она должна была выбрать лучшие, в смысле, наиболее омерзительные из них, но сегодня ей было не до того.

Почему Линда – медиум, белый маг, человек, которого как огня боится вся замеченная в издании грязнухи братия, почему она не обнаружила на ней, на Ольге, свежий след сестроубийства? Ведь водитель доложил, что Лада села за столик у окна и минут через семь кафе было обстреляно. Так может быть, Линда не такой уж и маг, или...

Не глядя, она перекладывала с места на место снимки. Не автоматически, как лунатик, а просто потому, что психологи из «Бурды» рекомендовали не дотрагиваться до вещей просто так. «Хотя бы рассмотри, поверти в руках, положи на другое место». Да, именно так.

Чего-то определенно не хватало. Трупа. А он ей нужен? Прийти в морг и опознать труп – значит автоматически подписаться на его захоронение. Никогда не следует касаться трупа походя, с ним нужно что-нибудь сделать. Закопать, сжечь или хотя бы не признаваться, что имеешь к нему какое-то отношение. Что это сестра...

На столе пискнул селектор.

– ... Лада.

– Что? – на какое-то время Ольге показалось, что секретарша озвучила ее мысли.

– Извините, помехи в связи, к вам Лада Дан, – проворковала коробка.

– Кто?!

– Лада Дан.

«Лададан, лададан, лададан...» – зазвенело у нее в голове.

⁵ Евдокия Федоровна Лопухина (1669–1731) – царица, первая жена царя Петра I. Повенчана с царем 27 января 1689 г.

Странные вещи творились с Ладой Дан, странные мысли роились в ее голове. Хотя, если для кого-то другого жизнь Лады и казалась сумбурной и перевернутой, то только не для нее самой.

Лада уже три раза выходила замуж. Два раза по любви, последний – по недоразумению. Рабочий, красящий фасад дома, как в рекламе жвачки засмотрелся на обнаженную Ладу и влетел к ней прямо через окно, в брызгах битого стекла, громяхая по полу ведрами и распространяя вокруг себя запахи строительного макияжа, словно какой-нибудь сильно осовремененный рыцарь.

Сокол залетел в понедельник, Лада, как сама потом утверждала, – во вторник, свадьбу сыграли в среду, стекло заменили только к зиме. А уже через месяц, на покраске другого дома, рыцаря угораздило завалиться в следующее окно.

В браках и просто по любви Лада имела троих детей. Впрочем, из-за отсутствия у матери постоянного заработка, все трое жили кочевой жизнью, переходя от одной бабушки к другой, и собирались у мамы лишь когда богатая сестра Ольга отсылала к ней своего сына Алексея с охраной и таким количеством продуктов и вещей, что Лада кормила всю семью и делилась с друзьями.

Странные события происходили с поэтессой Ладой Дан. Должно быть, ее ангел был очень силен, а может, как сказала матери Лады одна нищая бабка, за Ладой присматривали не один, а сразу два белых ангела.

Вот и сейчас целая и невредимая она стояла на пороге кабинета своей сестры.

– Ты?! – Ольга не могла продолжать, вытаращив на Ладу полные ужаса глаза. Какое-то мгновение показалось, что это возмездие судьбы. Что сейчас Лада обернется мстительным исчадьем ада, в воздухе сверкнет острие копья, и...

– Оля, я все объясню, – Лада расценила замешательство начальницы на свой лад, и в ее глазах появились слезы. – Честное слово, я не виновата! В общем, я не встретила с Мартоном. Точнее, я приехала вовремя, но какие-то хулиганы побили витрину кафе, и я думаю, что он просто не захотел туда войти. Но ты не думай, я ждала его до последнего. И в кафе, и, когда всех выгнали оттуда, на улице, – Лада вздохнула, и положила на стол папку и пакет с серым костюмом. – В общем, я пошла, – она еще раз умоляюще посмотрела на сестру и, не обнаружив в той и тени сочувствия, побрела к двери.

– Стой! А как ты осталась жива? – догнал ее голос Дан.

– Я? Да просто босоножка расстегнулась, я наклонилась, – и тут все произошло, – внешне Лада выглядела вполне обычно, только на лбу у нее теперь красовался какой-то причудливый синяк. Скорее всего, ударилась об стол.

Ольга нажала кнопку селектора, и тут же на пороге появилась хорошенькая секретарша.

– Позвони парикмахеру, скажи, что приедет моя сестра, пусть сделает ей, – она не могла оторвать взгляда от воскресшей Лады, – такую же прическу, как у меня, и закажи костюмы у моего портного. Скажи, нужен второй комплект всего. И пусть водитель повозит ее. Все.

Ты не ранена? – обратилась она к застывшей на месте и внимательно следившей за происходящим сестре. – С этого дня можешь считать себя в штате. Тебе слегка изменят внешность, подберут другую одежду, косметику, имидж в целом. Ничего богемного, отвлеченного – только ты и работа. Сиди дома, жди моего звонка, ты можешь понадобиться в любой момент.

– А продукты? – пискнула Лада. – Мне же нужно выходить за едой!

– Продукты купит водитель, имидж поможет изменить мой имиджмейкер, для связи будет твой домашний телефон и сотовый, купите его по дороге. Деньги выдаст бухгалтер, а проблемы – проблемы нарастут сами.

Все. За дело.

Глава 6

Лада не могла поверить свалившемуся на нее счастью. Правда, она не любила стрижки и всем самым распрекрасным строгим костюмам предпочитала длинные юбки и безразмерные кофты, но на это пришлось махнуть рукой. В кои-то веки она нарвалась на что-то серьезное. А ведь совсем недавно ей казалось, что она провалила все дело, и Ольга прибьет ее на месте. Но, надо же, сестра оказалась человеком!

Дел было не впрокорот: после парикмахера галопом по Европам поехали на квартиру к наглому вертлявому имиджмейкеру, рыжая в полосочку прическа которого подействовала на Ладу как обещание скорого и неминуемого счастья. Так что она с ходу спросила, нельзя ли окрасить ее аналогичным образом, и по возможности, чтобы основной цвет был зеленым, и получила решительное «нет». Потом они метнулись к портному, где приобрели для нее пол шкафа деловых костюмов образца «Ольга Дан». Правда, подходящих туфель не нашлось: у Лады нога оказалась на размер больше, так что покупку отложили до завтра, взяв ей на первое время босоножки на невозможных шпильках в одном из ближайших магазинчиков.

Лада попросила водителя отвезти часть денег бабушке, сидящей эту неделю с детьми, и он обещал заехать, купив для нее мобильный телефон.

Все эти подготовки и покупки нравились Ладе, завораживая ее и вознося на вершину мыслимого женского счастья. Единственное, о чем она жалела, – что не могла отвезти детям все те великолепные гастрономические изыски, которыми был набит теперь ее холодильник. Но что переживать, если визит можно перенести уже на завтра?

Однако, не успела Лада еще как следует развесить костюмы на вешалках в своем шкафу, как зазвонил телефон, и металлический голос Ольги потребовал, чтобы она немедленно отправлялась в кафе «У викинга», где ждал ее неуловимый Мартон.

Водителя еще не было, но Лада уверила сестру, что без проблем возьмет машину, и, облачившись во вчерашний серый костюм и сунув ноги в невыносимые босоножки, она заковыляла из дома, чуть не забыв заветную папку.

Выйдя из подъезда, Лада совсем уже было сосредоточилась на поимке машины. Идея отдавать деньги совершенно чужому постороннему водителю, будь он хоть самый прекрасный человек, жгла ее как раскаленная игла.

«Не было бы этой спешки, можно было бы спокойно доехать на метро и сэкономить деньги на подарки детям», – вздохнула она, обходя по виду глубокую и весьма внушительную лужу у помойки, когда из нее вдруг с треском и клекотом начали вылетать коробки из-под обуви, картофельная шелуха и прочая шелупонь. Лада скакнула в сторону, чудом увернувшись от вредоносных брызг и банки с тухлятиной, которая не просто скатилась, а как будто бы была выброшена из ржавого контейнера чьей-то злобной рукой.

Закрыв нос платком и проклиная всех на свете помоечников, Лада прибавила шаг.

Меж тем, из помойки сначала раздалось громкое чавканье, затем показалась чья-то сгорбленная спина и, наконец, голова, покрытая торчащими в разные стороны перьями. Странное существо зацепилось худыми руками с узловатыми пальцами и черными длинными когтями за край бачка и задумалось, обозревая окрестности.

Внешне оно было похоже на птицу и человека одновременно. Причем на человека, повидавшего в этой жизни такого, что одной пол-литры будет мало, если взяться рассказывать в душевной компании. О таких людях обычно говорят «перелетная птица». Во всяком случае, его лицо с длинным орлиным носом и круглыми птичьими глазами вызывало именно такие ассоциации.

Возможно, он ходил из города в город или даже, открыв секреты левитации, совершал свои перелеты ночью, чтобы не беспокоить мирных граждан. Вероятнее всего, горбатая

спина под коричневой вязаной телогрейкой была на самом деле хорошо замаскированными крыльями, хотя к породе ангелов он не имел ни малейшего отношения. Так, по-соседски, они иногда дрались за воздушные границы; человек-птица не терпел вторжения посторонних на территорию Египта, где он обычно и проживал. Ангелы же обычно летели со стороны Иерусалима, где их всегда было видимо-невидимо.

Но сейчас судьба привела его в этот северный город, где, сидя на краю помойки, великий бог Гор⁶ предавался мыслям о бренности сущего и нестабильности преходящего, о вечных ценностях и мозольном пластыре. Тут его размышления были прерваны бесцеремонным голосом:

– А ну, подвинься, умник, а то я тебя, – баба угрожающе замахнулась ведром, и человек-птица, опершись руками на край контейнера, ловко спрыгнул на землю.

Его необыкновенные, глубокие, как египетские ночи, глаза с минуту смотрели на бабу немигающим взглядом божества. Потом он резко повернул голову, перехватив глазами взгляд садящейся в машину Лады. Перья на его голове мгновенно пригладились, отчего он стал похож на итальянского мафиози, а в глазах появилась живая заинтересованность.

– Она! – Проклёкотал человек-птица. – «И будет вам Дан»!

Но в этот момент машина резко взяла с места, оставив Гора одного в чужом ему дворе и чужом ему мире.

Позже девятичасовые новости передали о взрыве кафе «У викинга». Торопливо выслушав их, Ольга Дан решила, что независимо оттого, погибнет город или нет, а ей с Алешкой определенно нужно сматываться. Сидящий напротив нее Сергей битый час докладывал об основных постулатах работ Сильвестра Медведева, в которых Ольга не понимала ровным счетом ничего. Да и нужно ли ей это было?..

– «К концу 80-х годов XVII столетия возник в русской церкви спор о времени пресуществления святых даров в таинстве Евхаристии; этот спор, будучи чисто богословским, имел весьма большое значение в истории нашего развития, ибо он касался вопроса о том, основывается ли вера на предании (Православная церковь) или на мышлении (Католическая). Спор этот начался еще до приезда Лихудов, но усилился особенно при них. Сильвестр, вслед за Полоцким, защищал распространенное во всей Киевской Руси латинское мнение о том, что пресуществление святых даров бывает при произнесении священником слов Иисуса Христа: «Примите, идите!» и «Пейте от нее все». Противники Сильвестра, Лихуды и инок Евфимий, на стороне которых стоял и патриарх Иоаким, утверждали, что дары пресуществления лишь в молитве к Богу Отцу и ниспослании святого Духа силой заслуг Иисуса Христа. Сильвестр написал «Книгу глаголемую хлеб животный», на которую Евфимий ответил сочинением: «От святой отец на защищение восточные церкви тетради» и т. д. В ответ на это Сильвестр написал «Книгу о манне хлеба животного» в которой...»

– Стоп! Ничего не понимаю. Подготовь это для отчета Иннокентию Ивановичу, пусть он теперь голову ломает раз все равно желает под ногами путаться. Попространнее, побольше воды, рассуждений... Мы все– таки обещали отчитываться о каждом шаге.

– Я уже отослал через Леночку сведения о смерти Медведева. В запечатанном виде, – Сергей с удовольствием отхлебнул из своей чашки ароматный кофе. – Думаю, не стоит ей особо доверять, кажется, у нее с нашим бывшим художником любовь. А он сейчас все-таки у конкурентов. Кстати, видел Ладу, что это у нее на лбу, не знак ли Тау?

– Откуда ты знаешь? Не про конкурентов, а про любовь? – перебила его Ольга.

– Они спят вместе, – пожал плечами или, скорее, как-то поежился заместитель.

⁶ Бог Гор в Древнем Египте – бог солнца, сын Осириса и Исиды, покровитель фараонов, изображавшийся в образе сокола.

– Резонно, – Дан кивнула и, пригубив кофе, сплюнула. Концентрированная гадость была без ксилита, но, судя по вкусовым качествам и запаху, содержала добрую порцию мышьяка. – Лена! Чтоб ты сдохла! Убить мало мерзавку! – директорша швырнула на стол ни в чем не повинную чашку, и та раскололась.

Ольга нажала кнопку селектора, но секретарша не ответила. Зато Сергей Сергеевич подскочил с места и ринулся в приемную на поиск провинившейся девчонки.

– Черт знает что! – констатировала Дан.

– Простите, – в комнату вернулся зам, – но Лена не может...

– Что?! – Ольга почувствовала, как скакнуло давление. Она хотела задать вопрос о знаке Тау, но от возмущения все малосущественные детали вылетели из головы. Впервые в этих стенах она наблюдала такое явное пренебрежение ее требованиями.

– Лена... – Сергей побледнел, но тут же справился с собой. – Она, в некотором роде, выполнила ваш приказ. Сами посмотрите.

– Какой еще? – как замороженная, Ольга встала и вышла в приемную.

Леночка с открытыми безразличными глазами полулежала на своем столе. Ее лицо как будто было сведено болью. Ольга рванулась к девушке, потрогала жилку на шее. Пульса не было, труп только-только начинал остывать. Рядом на столе стояла чашка из-под кофе.

Перепуганный таким поворотом событий, Сергей скрючился в три погибели и, заткнув рот ладонью, побежал в туалет.

– Как же это? – скорее удивилась, чем расстроилась Ольга. – Яд ведь явно был в моей чашке. – Хотя, может и во всех, но почему? Зачем кому-либо убивать безобидную девочку?

Бесспорно, отравка предназначалась Дан. Но как тогда Леночка могла перепутать чашки?

Ольга подошла к тумбочке, где секретарша держала все для угощения клиентов. На маленькой полочке перед ней стояли чашки, две банки с кофе и коробочки, в которых девушка держала сахар для всех и ксилит для Ольги. И тут все встало на свои места. В Ольгиной банке лежал не ксилит, это Дан могла определить по одному только виду, а, вероятно, отравленная сахарная пудра или какой-то новый сахарозаменитель.

Последнее время девочка жаловалась на то, что начала полнеть, и Ольга посоветовала ей на какое-то время отказаться от сахара и пользоваться аналогом. Секретарша сделала три чашки кофе, положив сахар только для Сергея и сахарозаменитель в две другие.

Но если для Ольги ксилит был обычным продуктом, а сахар, как для большинства диабетиков, казался страшной горечью, Лена не смогла обнаружить отличия и выпила отраву.

В полном изнеможении Ольга велела подошедшему охраннику вызвать милицию, а сама, решив, что работы сегодня уже точно не предвидится, и с милицией сталкиваться не хочется, села в машину и велела возить ее домой.

Но не успели они отъехать от здания, как в сумке благим матом заорал мобильник. Дан безразлично поднесла трубку к уху и услышала голос Иннокентия Ивановича:

– Здравствуйте, Оля! – приветствовала директоршу трубка. – Медведеву отсекли голову, а не сожгли. Надеюсь, что впредь вы не будете допускать столь грубых ошибок. И еще у вас, я слышал, возникли проблемы с секретаршей. Если не найдете другую до завтра, я готов предоставить вам свою.

Ольга тяжело вздохнула. Выходило так, что в смерти девочки оказались повинны самые уважаемые люди Петербурга. Умышленно или по недоразумению, Сергей совершил грубейшую ошибку, чем подставил ее, и, если учесть, что сестра умерла, и значит, двойника сделать не из кого, то...

Поток мыслей Дан нарушил новый сиренообразный звонок мобильного, автоматически Ольга взяла трубку и услышала срывающийся от волнения голос сестры.

– Оля! Дико извиняюсь, но я не виновата. Честное слово! Каблуки, лестница. Упала, потеряла сознание...

– Очнулась – гипс, – подытожила Ольга. И приказала сестре ждать ее звонка дома.

Глава 7

Странные истории творились с Ладой Дан. Так было с самого детства: грезы, лунатизм, видения. Причем, это было замечено всеми членами семейства Дан, припадки усиливались в связи с близостью Ольги. Как будто душа Лады несчастной крошечной птичкой билась и просилась на волю, почувствовав приближение голодного хищника.

Ласточка под хрустальным колоколом, куда посадил ее ученый немец в кунсткамере, демонстрируя устройство воздушного насоса перед Петром I и Екатериной, билась крыльями, задыхаясь и не имея возможности ни разнести хрустальную камеру пыток, ни как-то остановить своего мучителя.

«Полно, не отнимай жизни утвари невинной; она не разбойник», – усовестил немца царь.

«Я думаю, детки по ней в гнезде плачут!» – донесся грудной голос царицы.

Кошачье, широкое лицо царя с топорщащимися усиками и круглыми, навывкате, глазами плотоядно смотрело на умирающую птичку.

«Странно, чего это меня сюда занесло? – удивилась про себя Лада, все еще задыхаясь в своем хрустальном колпаке, – в издательстве же велели покопаться в материалах о Сильвестре Медведеве, а эта сцена, судя по всему, могла иметь место лет через тридцать после его смерти». Но сил остановить видение не было.

Ласточка взмахнула крыльями, – и купол пропал, а она сама оказалась за деревянными прутьями круглой клетки, в комнате, в которой жила маленькая немка – фрейлина.

«Сегодня хоронили одну голландскую купчиху, страдающую водянкой», – писала в своем дневнике девушка. Ее тонкий, изящный силуэт в платье, сшитом специально по случаю карнавала, казался каким-то трогательным цветком. Прямая спина выдавала девушку из приличной семьи, воспитанную в Европе и по какой-то злой прихоти судьбы заброшенной в дикую Гиперборею с ее варварами.

«Царь собственноручно сделал ей операцию, выпустил воду. Она, говорят, умерла не столько от болезни, сколько от операции. Царь был на похоронах и на поминках. Пил и веселился», – она вздохнула, взглянула на приготовленные к сегодняшней ассамблее маски и продолжила писать. Птичка в клетке затихла, всматриваясь в аккуратные завитки немки. «Считает себя великим хирургом. Всегда носит с собой готовальню с ланцетами. Все, у кого какой-нибудь нарыв или опухоль, скрывают их, чтоб царь не начал их резать».

Девушка поежилась от страха и омерзения.

«...Какое-то болезненное анатомическое любопытство. Не может видеть трупа без вскрытия. Ближних, родных своих после смерти анатомирует».

– Да уж, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Неудивительно, что этот человек отдал повеление обезглавить Сильвестра Медведева. Хотя впоследствии и воплотил все его мечты. Странно все это. Надо к нему получше приглядеться, – прочирикала птичка Лада.

Меж тем, девушка закончила писать и закрыла книжечку, погладив ее уже слегка потертую кожаную обложку. «Подарок ученого Лейбница, как-то он теперь?» – донеслась до Лады мысль фрейлины.

Лада взмахнула крыльями, но только ударилась о деревянные прутья, сон не проходил, пробуждения не последовало.

«Ну что ж, раз уж не получается проснуться, может, удастся еще хоть что-нибудь выяснить?» – безрадостно подумала она и засвистела, запела, как бы оправдывая перед немкой свою птичью породу. Все-таки сон сном, а явный, не прикрытый шпионаж вряд ли кто потеряет.

– Кто же такой Петр I? – по-птичьи спросила она и услышала ответ:

«Иногда кажется, что в нем слились противоречия двух родных ему стихий – воды и огня – в одно существо, странное, чуждое – не знаю, доброе или злое, божеское или бесовское, но не человеческое».

Взмахнув в испуге крыльями сильнее обычного, Лада проснулась у себя в комнате.

Глава 8

С того дня, как умерла Леночка, прошла неделя; сходя с ума от бессилия, Ольга дала задание всем сотрудникам искать любые предсказания о гибели Питера. Любая информация оплачивалась, а именно это и было нужно Ладе. Поэтому она сидела дома, обложенная со всех сторон книжками, с новеньким сотовым телефончиком на коленях – Ольга могла позвонить в любое время дня и ночи и потребовать результатов.

На самом деле, чтение ей нравилось, о смутном времени и Петровских реформах она знала едва ли не столько же, сколько и Сергей Сергеевич, так что денежки худо-бедно капали.

Не представляя доподлинно, что именно может пригодиться Ольге, Лада шарила в Интернете и перерывала библиотеки в поисках хоть какой-нибудь информации. Интересной темой считались питерские привидения, которых, несмотря на сравнительно небольшой возраст города, здесь было предостаточно.

Когда Лада предложила эту тему Ольге, глаза сестры сверкнули, и она сразу же дала задание выяснить, где и когда очевидцы встречались с призраками, и были ли случаи, что потусторонние жители выходили на контакт.

«Как говорит источник, в ворота Академии искусств несколько раз стучался покойный скульптор Козловский⁷. Обычно это бывало в ненастные, холодные ночи. Козловский стучался, громко выкрикивая: «Откройте, сукины дети, это я – скульптор Козловский со Смоленского кладбища, весь в могиле измок и обледенел, отворите!». Проверить действительно ли Козловский был захоронен в указанном месте должен был Сергей Сергеевич. Так что Лада перешла к следующему возмутителю ночного спокойствия.

По мнению многих мистиков, невинно убиенный император Павел I в Михайловском замке до сих пор бродит неуспокоенный. Экстрасенс Линда, в частности, считала, что Его величество до сих пор ищет заговорщиков, задушивших его, чтобы расправиться с ними в их новых инкарнациях.

Скорее всего, именно поэтому призрак императора Павла так пугает петербуржцев. Кто ж доподлинно знает, кем он был в прошлой жизни. И не связана ли она, прошлая жизнь, с покойным императором. Хотя никто до сих пор не уличал Его величество в причинении зла людям.

Чаще всего призрак императора видела охрана и работники музея. Бывали случаи, когда привидение являлось невидимым, днем и ночью люди натывались на что-то плотное и холодное. Что-то такое, чего они не могли видеть, но осязали.

Лада поморщилась.

«Если они прикасались к призраку, но не видели его, это вполне может быть и не Павел. Не Павел, – тогда кто? За Михайловским замком числилась еще какая-то неопознанная дама, полубившая устраивать в замке вечера и балы. О даме было известно только то, что она предпочитала золотую обувь».

«Бред какой-то», – Лада перекрестилась. В старых подшивках питерских газет она обнаружила сообщения о том, что в 70-х годах XX века из Москвы в Инженерный или Михайловский, это уже как кому нравится, замок была прислана специальная комиссия, которая работала по ночам, пытаясь разобраться в таинственном феномене. Но призраки из замка так и не исчезли.

«Известно, что до сих пор сотрудники Инженерного замка предпочитают не оставаться в здании после захода солнца».

⁷ Козловский Михаил Иванович (1753–1802), – российский скульптор и рисовальщик (статуя для каскада в Петергофе «Самсон, раздирающий пасть льва», памятник А. В. Суворову в Санкт-Петербурге).

Лада перечитала отчеты уфологов и экстрасенсов, регулярно проверяющих замок на предмет наличия в нем чужеродных сущностей и вредоносной энергии, но никто из них не хвастался установленным с призраками контактом. На вопрос газеты «Аномалия» отчего призрак императора так пугает обывателей, Линда ответила, что Павел нередко является с флажолетом, – старинным музыкальным инструментом, напоминающим флейту, – так что Линда считает, что покойный император в потустороннем мире играет роль некоего крысолова, отчего встречи с ним кажутся людям с нечистой совестью небезопасными.

За окном, постукивая по стеклу и жестяному карнизу, шел дождь. Лада протянула руку и достала пушистый, недавно приобретенный клетчатый плед и завернулась в него. Было тепло и приятно: книги, дождь за окном, тишина. Ладе подумалось, что хорошо было бы сейчас гладить большую пушистую кошку, обязательно многоцветную и мягкую. Хорошо бы еще вместо не работающей летом батареи горел настоящий камин. Не сильно, в комнате должен был оставаться привкус дождя, и плед, так приятно и заботливо кутающий тело. И еще хорошо бы вот здесь, рядом, видеть настоящую мужскую спину. Которую можно обнять, к которой так приятно прижаться лицом и мечтать, мечтать...

Она посмотрела в окно: изгибы ветвей казались кружевными, капли на стекле сияли, как драгоценные бусины. И где-то там, сквозь дождь, ветви и силуэты мокрых домов, прослеживался обрис Китежа. Или нет, это онахватила, сквозь полуприкрытые веки Лада вдруг увидела Питер, точнее, сначала в рисунке дождя прорисовался человеческий силуэт, и затем Лада разглядела глаза. Почему именно глаза? Говорят: «Глаза – зеркало души», возможно, поэтому Лада всегда, сначала, видела именно глаза, а затем уже узнавала душу. Эти глаза были серыми, со стальным оттенком блестящего после дождя асфальта.

Глаза, переполненные мудростью всех питерских библиотек, в чуть печальной улыбке отражались кони с Александринки. На вид, по человеческим меркам, ему было за сорок, но она не поддавалась на умозрительность.

Лицо города, показалось Ладе знакомым и не знакомым одновременно, это было лицо стареющего сфинкса: правильные, аристократичные черты с нанесенными поверх них пересохшими руслами скорби. Мужчина был одет в немецкое платье петровского времени, чей зеленый бархат потерялся и местами даже получил боевые пробоины, но все еще неплохо сидел. Рукава камзола были засучены, и руки увиты феничками и странными, явно шаманскими амулетами. Питер был религиозен и суеверен. Он пользовался репутацией заядлого игрока и неотразимым обаянием дьявола.

Со дня его основания поговаривали, что влюбившиеся в Питер единожды, его не покидают. А покинув, – умирают на чужбине в тоске любовной.

Питер был любим всеми богами и богинями, прельщенными его очарованием и переселившимися с Олимпа в наши болота.

Во все времена он был шарлатаном на ярмарках, актером на подмостках, он – созданный единственно для царствования, впитавший в себя с самого основания поэзию множества далеких стран, истончался сейчас под кислотными дождями, тусовался с наркоманами, и проститутки отдавались ему так же, как и благородные дамы.

Питер был врубелевским демоном и петропавловским ангелом, он не признавал тупиковых дворов и тупоумия снобов.

Петр называл его парадизом. Но был он и раем, и адом, и грешным, и святым одновременно.

Его не по-славянски черные, с заметной сединой, волосы были трепаны ветрами Балтики и омыты печальными северными дождями.

Созданный как чудо, он оставался загадкой, и кто знает, может быть, даже предполагал, что когда-нибудь исчезнет так же спонтанно, по капризу, как и появился.

– Нет! – последняя мысль обожгла душу Лады Дан. – Питер не должен погибнуть! Ольга ищет предсказание, ноне для того, чтобы помочь, она работает толь– ко для себя. Случись угроза, она первой покинет Питер, даже не удосужившись спасти кого-нибудь еще, кроме сына и денег. Откроет новое издательство или займется пошивом кроссовок. Какая разница! Для нее куда больше подойдет Москва, но что буду делать я? Мы? Те, кто без этого чуда жить не может?

Петербург никак не могли построить, не было ни капли земли. Все, что возводили, забирало себе болото. Выстроят ли дом – дом тотчас провалится в трясину, возведут святую церковь – и она, родимая, тотчас исчезнет в мутной воде, поднимут стены башни – сгинет и башня, – повествовала одна финская легенда. Поэтому великан построил весь город сразу на своей ладони, а потом поставил его на болото. Мол, слабо эдакую махину заглотнуть.

Так и появился Питер – чудо над Невой.

«Лишь бы только так же не исчез, как легкое облачко, как дымка над болотом», – подумала Лада и очнулась.

Призрак Питера улетал от нее, как мистический ночной любовник, застигнутый солнцем.

За окном порывивали машины и огромный, казалось, расписанный самим Рафаэлем, небесный свод подпирали царство Божье.

В детстве Лада вот так же, бывало, смотрела на это небо, примечая сквозь облака хорошенькие мордашки ангелов, а сейчас она видела ангела с Александрийского столпа, видела, как он любит собственным отражением в воде, и ей стало страшно. Впервые она поняла, что Питер – это действительно чудо, чудо, которому нельзя дать погибнуть... Чуду...

Она встала. На пол посыпались исписанные цитатами листы бумаги, которые она готовила на представление Ольге, специально прописывая каждую деталь и толково объясняя и без того понятные вещи. То есть по возможности увеличивала текст, надеясь срубить чуть больше денег. Теперь это уже не играло никакой роли.

– Теперь надо город спасать, – сказала она сама себе и невольно рассмеялась. – Тоже мне Жанна д'Арк! Что я могу? Как спасти?! – Лада вышла на середину комнаты и, сняв рубашку, подошла к зеркалу. Беспощадное отражение констатировало, в лучшем случае, пару лишних килограммов, что-то еще скажут весы. Последнее время Лада вела малоподвижный образ жизни, читала, писала, худела и набирала вес. Казалось, жизнь замерла, предоставив ее самой себе, и вдруг такое... – какой из меня воин? – она вспомнила, каким красавчиком являлся к ней Питер, и быстро оделась. – Я даже елку с прошлого года убрать не могу! – крикнула она в пустоту, специально громко, чтобы докричаться до того сумасшедшего рока, который возымел глупость втянуть ее в это дело. – И в магазинах меня обманывают! И... и еще я веду беспорядочную половую жизнь! То есть вела, полгода назад. Очень даже аморально.

Лада прислушалась. Вселенная молчала.

– Ну, ладно, предположим, я пойду сейчас и поговорю с Ольгой, чтобы она что-нибудь сделала. Ок?

Ок, – громынуло с небес.

Глава 9

Из белых облака сделались серыми, как крысиные шкурки, целое полчище крыс. Вот они скомкались на краю горизонта, зажалась в комок и вдруг раскрылись пружиной в полете, как гигантская белка-летяга. Ольга прорывалась к дому, настигаемая крысиной армией. Пятнадцать минут назад она отказалась работать с проклятым предсказанием, а теперь нужно было драпать.

«Ах, как это непрофессионально, следовало наобещать с три короба и уйти, не попрощавшись. Можно было попытаться получить аванс. А потом ищи-свищи, когда мы с Лешкой будем уже в Германии, где можно затеряться, сменить имена и внешность. Затаиться, пока о тебе не забудут. Питер погибнет? Ну, этого же можно уже и не узнать. Быстрее, быстрее! Главное, обогнать время, перепрыгнуть через колесо истории, а не служить белкой в колесе, не зацепиться за него одеждой, не очароваться его радужным блеском». Время поджимало, сдавливалось тисками, заставляя все время бежать. «Бежать, чтобы хотя бы оставаться на месте», – вспомнила она «Алису».

Все же было нормально – и полетело буквально из– за ничего после того как полгода назад она нашла и передала заказчикам то старинное копье. На ее взгляд, – так, ничего особенного, палка как палка. Зато заказчики не могли сдерживать восторгов. Хотя дело-то было плевое, она почти ничего не предпринимала, буквально пошла по указанному ей адресу и отыскала его среди других ритуальных предметов, хранящихся в запаснике Музея религии и атеизма. Но вот потом, когда отдала, все и пошло наперекосяк, как будто талисман из рук выпустила: и братки, и Иннокентий Иванович, да и вообще непраха.

Машина остановилась. Ольга распахнула дверь, несколькими прыжками поднялась на третий этаж и влетела в квартиру. Все уже давно было собрано и отослано на вокзал. Она принципиально отказалась от самолета, где пришлось бы регистрироваться под чужим именем.

Алексея не оказалось дома. Охранника тоже не было. Возможно, они задержались по пути из школы. Ольга огляделась, соображая, не забыла ли чего-нибудь, когда прозвонил телефон.

Она вздохнула и взяла трубку.

– Что же вы меня подводите, дорогуша? – замурлыкал ненавистный баритон заказчика. – Так дела не делаются, я же вас предупреждал, что речь идет об очень влиятельных людях. А вы бежите, как крыса с корабля. Что это такое?..

– Я не бегу... – Ольга вздохнула, стараясь придать голосу как можно больше спокойствия. – С чего вы взяли, что я бегу? Я просто не могу выполнить эту работу, – она закурила. – Я не историк. Поймите, я даже не знаю, где копать. Это не мой профиль. Я же вам сразу дала понять, что ничего в этом не смыслю. А вы убили Леночку за то, что я отправила вам отчет о сожжении Медведева. Но откуда я могла знать? Я дала задание, человек что-то перепутал, может, там было несколько Медведевых! Как я могу вести дело, в котором ничего не смыслю?

– Дурные подчиненные есть у всех. Их надо наказывать. Какая разница, одного или другого? Главное, что мы друг друга понимаем. А если завтра рухнет Питер, жертв будет не в пример больше, и ваше, с позволения сказать, издательство погибнет. Ваше издательство, кстати, оно уже наше. И все, кого вы хоть сколько-нибудь любите... Короче. Меня не интересуют бабьи истерики. Скажу больше, мои партнеры отзываются о вас как об очень сильной и умной женщине. И они считают, что вы что-то знаете о гибели Питера, но почему-то не хотите поделиться информацией. Действительно знаете?

– Да не знаю я! – взорвалась Ольга. – А знала бы, неужели вы думаете, что не продала бы вам эту информацию?! С какой стати?

– Ас такой, чтобы уничтожить нас всех вместе. – повысил голос Иннокентий Иванович. Вы же умная женщина. Накопали? Нет? Не будьте такой упрямой. Мы, конечно, не станем подвергать вас пыткам, через которые прошел наш герой, уж слишком архаично железным-то кнутом двадцать пять раз по обнаженному телу, срывая клочки кожи. Но и у нас есть кое-какие методы, с помощью которых мы можем заставить человека работать. Вы слышите меня, дорогая?

Ольга кивнула. Но на другом конце провода ее поняли.

– ... Только теперь условия изменились. Мы больше не можем доверять вам, сами понимаете, сегодня вы наговорите с три короба, а завтра возьмете и свалите за границу. Так что мы вас никуда не отпустим. Вы и ваш драгоценный мальчик будете сидеть здесь. И в час икс Алексей будет стоять в самом опасном месте в городе и ждать.

– При чем тут Алексей?! – не выдержала Ольга. – Алеша еще ребенок. У меня, между прочим, еще сестра есть, племянники – целых трое. У Алексея тонкая нервная система, и... может быть даже ему передастся мой диабет. Диабет всегда передается по матери. С этим, знаете ли, не шутят!.. – ноги подломились, и Ольга рухнула в кресло. Черный туман застил небо.

– А вы, дорогая, больше ни за кого другого бороться не будете. Ведь так? Поэтому ваше задание меняется, и отныне мы потребуем не просто установить, что Санкт Петербургу на роду написано, а и спасти его.

– Но как?! – Ольга цеплялась за краешек сознания, ее глаза давно уже видели один лишь мрак. Жаркая, черная кома, как сама смерть, щупала ее, загребая в свой мешок.

– А это уже ваше дело. Алексей, как вы, наверное, догадываетесь, у нас. Так что если Питер потонет, ваш ребенок погибнет вместе с ним. Адью, мадам. Отчеты пересылайте прежним путем. Ошибка – жизнь.

Последние искры света, еще как-то связывающие Ольгу с этим миром, погасли, и она погрузилась во тьму обморока.

Глава 10

Заместитель Ольги Дан Сергей Сергеевич Безруков был человеком умным, даже незаурядным. Но, как большинство интеллигентов, абсолютно не приспособленным к жизни, поэтому он занимался различными научными изысканиями, читал книжки и мечтал найти сильного лидера, эдакого Князя, все равно, светлейшим или темнейшим он окажется, не суть. Главное – втереться к нему в доверие и сесть за трон на правах второго лица в государстве, серого кардинала, тайного советника.

Поиск Князя – дело серьезное, почти что оккультное. Потому как если Князя нет, его же, натуральным образом, придется создавать самому. «Ведьму надо воспитать в своем коллективе».

А Князь – он же не ведьма, его из чего попало не создашь. Тут нужен особый знак, голубая кровь или, на худой конец, хотя бы несколько признаков гениальности, упертости и мощи. Потому как светлейший или темнейший Князь планировался не для того, чтобы он только приказы отдавал да каждый год летал со всей семьей на Канары. Князь должен был стать стенобитной машиной, вооруженным до зубов монстром, боеголовкой в микро-волновке, наконец.

Но никого создавать не пришлось. Ольга свалилась на Сергея стихийно и тотчас взяла бразды правления в свои руки. Всего за несколько лет из скромного издательства империя Дан разрослась до невиданных размеров.

Сергей Сергеевич свято верил в гений Ольги, любя ее и ненавидя одновременно. Выросший в достаточно религиозной семье, он не уничтожил бы Дан, даже имея на руках все доказательства ее родства с нечистым и под угрозой гибели человечества. При этом он сам создавал для нее невозможные ситуации, в которых она могла бы запросто погибнуть, но почему-то неизменно выживала.

С валидом в руках Сергей ждал развития событий, понимая, что не представляет жизни без чудовищной начальницы. Но он просто не мог отказать себе в удовольствии испытывать этого монстра на прочность и ликовал, когда ей удавалось выбраться из тупиковой ситуации целой и невредимой.

Естественно, как второе лицо в империи он тешил себя мыслишками о том, как чудненько он устроился бы на месте Ольги, но увы! На месте Дан могла быть только Дан. В ее отсутствие Сергей был способен максимум поддерживать дисциплину и следить за ходом работ. Все гениальные ходы принадлежали Ольге, отчего всем вокруг приходилось либо молиться на нее, либо спасаться бегством.

Сегодня Сергей Сергеевич намеревался убедить Шлимана устроить встречу Ольги Дан с Агасфером. Он как раз придумывал очередной довод в пользу этого знакомства, когда увидел на мосту с золотокрылыми львами сидящую и мирно читающую книжку Ладу. Женщина была еще далеко от него, и Сергей Сергеевич свернул в подворотню, чтобы понаблюдать за ней.

Да, сестры были потрясающе непохожи и похожи одновременно. Несмотря на то, что посаженная на жесткую диету и шейпинг Лада быстро худела, серенький Ольгин костюмчик смотрелся на ней роскошным нарядом, подчеркивающим ее божественные формы. В то время как любое, даже самое шикарное платье на худощавой Ольге смотрелось, в лучшем случае, как на вешалке.

Лада была самой богиней любви, домашнего очага и покоя. Покоя, которого так жаждал Сергей. Тогда как Ольга олицетворяла собой скорее войну. Как там у Брехта? «Хочешь от войны хлеба, подавай ей мяса»!

Ему вдруг представилось, что сестры являются двумя частями какого-то единого целого – лад, мир, покой с одной стороны, и война и смерть с другой.

Он почесал в затылке: странно, как это раньше такая простая мысль не приходила ему в голову. Обе сестры были Данами, то есть данностями. Без Ольги он не мог жить, не мог творить, не умел зарабатывать деньги. Лада в издательстве появлялась не часто и пока его не касалась, но с ней были связаны такие вечные ценности, от которых он не посмел бы отречься под угрозой смерти. Ведь он и сам мечтал обзавестись когда-нибудь семьей, завести детей.

Сергей Сергеевич вспомнил, что Ольга частенько отсылала своего сына к Ладе, но дети Лады не переступали порога Ольгиной квартиры. Правильно. Потому как нечего им делать в мире войны. Вот подрастут, тогда...

Лада служит Ольге. Люди рождаются для того, чтобы развязывать войны. Развивается экономика, исчезает безработица, все должны крутить колесо истории, а дезертиров – в расход.

Пока Сергей Сергеевич наблюдал за младшей сестрой, Лада поднялась и, оправив юбку, зацокала каблучками по асфальту в сторону Невского. Сергей знал, что Ладу ожидают очередные киллеры, но позволил ей пройти мимо, успев, однако вдохнуть аромат ее духов.

Странно, что киллеры умудрялись принимать за Ольгу это совершенство. Наверное, только безумный мог бы спутать двух сестер, но, тем не менее, подвох до сих пор не был раскрыт.

«Интересно, почему же Ольга не наняла кого-то, более похожего на нее. Неужели обязательно рисковать пусть даже сводной, но сестрой? Неужели это только из-за желания уничтожать все вокруг?»

И тут до него дошло: Ольга хочет свалить, сбежать, оставив для опознания человека с похожей кровью, с той же лепкой лица, а значит, таким же черепом. Запутать всех и, может быть, даже его самого. Эта мысль больно задела самолюбие Сергея. Он хотел уже окликнуть весело идущую на смерть Ладу, но сдержался. Испытания должна была пройти и она.

Когда он входил в парадняк Шлимана, Невский вдруг сотрясся от взрыва, сразу же завизжало несколько легковых машин. Не оборачиваясь, Сергей Сергеевич захлопнул за собой дверь и, поднявшись на второй этаж, посмотрел в окно. Над каналом Грибоедова поднималось малоэстетичное облачко. Сергей Сергеевич полюбовался им минуты три и, вздохнув, пополз вверх по лестнице. Теперь из двух сестер для него существовала только Ольга.

«Младшая сделала ход и проиграла, – сказал он себе. – Значит, думать о ней не стоит. Нет человека – нет проблемы».

Глава 11

Дверь в Шлиманский офис – трехкомнатную, страдающую от отсутствия человеческого внимания квартиру, в которой он жил и работал, – как обычно, не была заперта. Шлиман сидел в своем кабинетике и преспокойно верстал что-то на стареньком компьютере, так что входящие могли лицезреть лишь его спину.

– Привет, – сказал он не поворачиваясь, неопределенно махнул рукой в сторону топчана. – Присаживайся.

Сергей посмотрел на однокашника. Когда-то они учились в одной школе, и ему вдруг стало неприятно от того, что, видя спину приятеля, он размышлял об убийстве.

– Извини, много работы. Говори, а я попытаюсь совместить приятное с полезным.

– Я, собственно, все о том же. – Сергей оглядел бедное убранство. – Неужели тебе за это что-нибудь платят? Переходил бы к нам.

– Что-то да платят, – спина затряслась в беззвучном смехе, свет от компьютера образовывал нечто вроде ауры вокруг его остриженной головы, – так, надеюсь, на проезд в метро на этот месяц хватит, а то Интернет все съедает. А к вам – это несерьезно, протирать штаны в кабинете и ждать, что в любой момент тебе на голову свалится разъяренная фурия. Брр...

– Но ты же сам говорил, что нашел предсказание, связанное с Ольгой Дан. Неужели после этого тебе не интересно посмотреть лично на нее?

– Ну уж нет, благодарю покорно. Для того, чтобы знать, что наркотики гадость, не обязательно их пробовать. – Шлиман поставил точку и развернулся на крутящемся стуле к Сергею. – А в предсказании сказано только: «И будет вам Дан». А Ольга или Алексей – не известно. Лично я предпочитаю Алексея, он ребенок, и о нем мы еще ничего не знаем. Но мамаша... – его миниатюрное, схожее с Вольтеровским лицо сморщилось, как будто Шлиман в этот момент укусил лимон. – Никогда.

– Ас Агасфером встречу устроишь? Может, он подскажет, что делать с этим предсказанием о гибели Питера? Все-таки сколько лет на земле живет.

– С Агасфером можно, но только старик вредничает. Память у него феноменальная, это точно, но Ольга твоя ему на что сдалась? Деньги у старика есть, в конце концов, после того, как принял христианство, он уже не обязан бегать как угорелый по всему свету, семьей обзавелся, свои дела, коммерция...

– Если не деньги, тогда что его интересует?

– Новенькое. Если, конечно, такое существует, и все новое не есть хорошо забытое старое. Старик скучает. Сам понимаешь, более двух тысяч лет на свете. Это кого угодно достанет. И, конечно, вопрос собственной смерти. Вряд ли твоя Дан обладает чем-то из этого перечня. Тут даже Линда помочь не может. Правда, я думаю, не столько не может, сколько не хочет. Эти белые маги всегда с претензиями. Говорит: помочь, конечно, дело святое, но не буду же я ради одного человека конец света устраивать! – Шлиман всплеснул руками. – Выпить хочешь? Есть пиво.

Сергей кивнул, ругая себя за то, что не захватил с собой пару бутылочек.

– Ольга все равно выйдет на Агасфера, он ей нужен, – сделав глоток, Сергей посмотрел на Шлимана. – Очень нужен. А выйдет, – так жди неприятностей.

– А с чего ты взял, что она вообще о нем что-нибудь слышала? История-то давнишняя. Подумаешь, две тысячи лет назад какой-то чувак поссорился с Иисусом, и тот проклял его вечной жизнью. Твоя Дан материалистка, даже если она что-нибудь и читала об Агасфере, то все равно ни за что не поверит, что он до сих пор жив. И большинство не верит.

– Ольга знает от меня, – Сергей глотнул пива, – а насчет веры, – она сейчас в черта лысого поверит, если поймет, что он может ей что-нибудь нормально объяснить. А Агасфера

она по-любому найдет, это вопрос времени. И я боюсь, что особо церемониться с ним не станет.

– Так не убьет же, – за спиной Шлимана изнывающий от безделья компьютер вывел картинку гильотины и уронил ее нож на абстрактную голову вниз. Шмяк, – и нож взметнулся на исходную позицию.

– Не убьет, но может прибегнуть к пыткам, – гильотина сделала второй шмяк.

– Да пытали его, расстреливали, вешали, сжигали. Не впервой. Ты пойми: Агасфер бессмертен, для него твоя Ольга – прыщ на заднице. Ну сколько она со своим диабетом еще протянет? Даже если по максимуму? Все пройдет, пройдет и это.

– Не скажи, Ольга гений. А гений и коварство – вещи несовместимые лишь в человеческом мироощущении, и вряд ли твоему жиду понравится, чтобы его выкручивали наизнанку в течение хотя бы одного десятилетия.

А что касается клана Дан, так их даже не двое, а трое. Так что нам по-любому придется выяснять, о ком из них говорится в пророчестве. Лада Дан сестра Ольги. Я выяснял, она была три раза замужем, но не поменяла фамилию, – говоря это, Сергей все больше и больше удивлялся себе. Морочить людям голову, конечно, составляло львиную часть его повседневных занятий, но дурить себя, любимого, – это уж дудки. Но в этот раз происходило что-то особенное. Ликующие волны радости словно переполняли все его существо. Что-то подобное должен ощущать человек, познавший истину. А в данный момент открывшаяся ученому истина была прекрасна: «Лада Дан жива»! – вдруг понял он. Если она как-то связана с судьбой Питера, то высшие силы не дадут ей умереть раньше времени. Это же просто Божий промысел!

Глава 12

Когда Сергей выходил из квартиры, его внимание вдруг привлек непонятный человеческий комочек, свернувшийся на подоконнике второго этажа. Скорее всего, он просто прошел бы мимо, как проходят мимо пьяных или бомжей, но тут комочек зашевелился, и Сергей явственно расслышал, как в воздухе прозвучало его имя. Несколько секунд он вглядывался в грязное, всклокоченное существо, пока не признал в нем Ладу Дан, которая, едва добившись того, что ее узнали, не преминула брякнуться в обморок. Сергей кое-как поднял обмякшее тело и, проклиная про себя всех тренеров шейпинга и ее личного, поплелся обратно в берлогу Шлимана.

– И будет вам Дан! – крикнул он в незащищенную спину программиста и, пройдя через всю комнатку, свалил Ладу на диванчик.

– И это... Ты чего? – вскочил Шлиман. – Она живая? Что ты с ней сделал, маньяк?! Я из-за тебя садиться не хочу! Убери ее.

– Сядешь. – Сергей посмотрел на приятеля свысока. – Как миленький сядешь, если прямо сейчас не выложишь, что тебе известно про Данов и про предсказание о гибели Питера.

– Да ладно тебе! Богдан – Богом данный, Дариан – дар, Дарья. Корень-то один.

– А пророчество? Откуда оно вообще взялось?

– Я откуда знаю? Агасфер притащил! В 1600 и притащил. А я тут причем?

Сергей развернулся к двери, делая вид, что уходит.

– ... Стой, я, правда, мало что знаю. Агасфер был не просто проклят вечной жизнью, он должен был еще и ходить как заведенный. А раз все время ходил, то и везде бывал. Вот и... А она еще живая? А то я покойников очень не уважаю... Я их...

– Догадываюсь. Продолжай. – Сергей, наконец, нащупал слабую сторону приятеля и вознамерился выудить из него как можно больше информации.

– Я их боюсь... – Ошалевший Шлиман заметался по комнате, как угорь на сковороде.

– Она жива. Но если ты не расскажешь... – Сергей скрестил руки на груди и сурово воззрился на обезумевшего от ужаса приятеля. – Я работаю у Ольги Дан!

– Ну, хорошо, хорошо... Только сделай что-нибудь. Я все расскажу.

Сергей медленно взял со стола стакан пива и, не спуская глаз со Шлимана, брызнул в лицо Лады. Та застонала, и программист, вздохнув с облегчением, начал:

– Агасфер был сапожником и жил в эпоху Иисуса Христа. Известно, что когда Иисус шел на голгофу, Агасфер будто бы не разрешил ему отдохнуть у его сапожной мастерской, и будто бы даже толкнул или ударил Спасителя. За это Христос проклял Агасфера вечной жизнью и вечными странствиями. Так Агасфер по сей день вынужден был скитаться и не может остановиться где-либо на сколько-нибудь долгий срок. Но это основная легенда.

Сергей кивнул.

– Роджер фон Вендоуер в XIII веке утверждал, что, по словам армянского архиепископа, с которым он дружил, Агасфер, или как у него записано, Картофилос, жил в Армении. Крестился, думая таким образом искупить зло, которое нанес Иисусу Христу в момент его шествия на Голгофу. Потом о нем пишет, минутку, – Шлиман порылся в куче листов, наваленных в углу комнаты и извлек оттуда потрепанный список и карту. – Вот, астролог Гвидо Бонатти тоже в XIII веке. Точнее, в 1242 году встретил Агасфера уже при испанском дворе. Затем, буквально через год, – он посмотрел в свою схему, – мы имеем его во Франции. Куда он шел, посмотри на карту, через Лангедок. Въезжаешь, о чем я? Небывалая вольница, катарская ересь, царство друидов и разгул манихейства, ко всему прочему, рыцари, трубадуры и культ поклонения перед женщиной!

Но ты будешь что-нибудь делать со своей дамой или дашь ей умереть?

Сергей подсел к Ладе и, не имея понятия о том, что такое эта проклятая первая помощь, начал массировать ей виски.

– Потом на длительное время Агасфер как в воду канул. И появился на горизонте лишь в 1505 в Богемии, откуда он идет на Арабский Восток. Здесь о нем мы тоже ничего не знаем. Зато в 1547 он не просто появляется в Гамбурге, но и встречается с епископом Шлезвига Паулем фон Эйтзенем, о чем остались свидетельства. В частности, епископ пишет, что Агасфер не имел никакого имущества, если и получал деньги, то тут же раздавал их бедным. Был очень умен и разговаривал на многих языках. Потом Париж, снова Гамбург, Брюссель, Лейпциг и Великобритания.

Дальше он идет в Испанию, где беседует с папскими легатами. В 1599 его видели в Вене, потом он направляется в Польшу и, наконец, в 1600 в Москву. 1603 год – Агасфер в Любеке, о чем свидетельствует бургомистр Колерус, а так же историк и богослов Кмовер.

А в XVII веке он уже не просто беседует с отдельными личностями, а соглашается на целый консилиум с целью освидетельствования того, что он и есть вечный жид. Это было в Англии, – Шлиман задумался на секунду, разглядывая потолок. – Оксфорд и Кембридж прислали своих профессоров, которые устроили ему настоящий и весьма пристрастный экзамен. Его спрашивали обо всем, разговаривая с ним на разных языках, и он отвечал им без малейшего акцента. Немудрено, к тому времени он уже выучил почти что все языки.

– Ну и что? – Лада уже немного пришла в себя и Сергей боялся, как бы Шлиман не перестал рассказывать.

– А то, что Агасфер – не уличная кликуша. Вот видишь, где-то он беседует, дает пресс-конференции, мелькает в отчетах полиции и прессе, где-то проносится со скоростью метеора, не забывая, однако, оставить весьма различимые следы, а где-то и попросту прошмыгнет как мышка, мол, нету меня. Как ты думаешь, отчего это? А ответ на самом деле более чем прост: там, где он позирует перед церковными деятелями и местной властью – он хочет напомнить о себе, всколыхнуть людскую память; там, где просто прошел и, якобы, ни с кем особо не встречался, на самом деле делал что-то такое, о чем мы теперь можем только гадать. Кстати, его визит в Москву тому ярчайшее подтверждение. Дело в том, что Агасфер не просто ходит, то есть не бесцельно. Он ведь как думал: если он примет крещение, господь сразу же простит его и даст спокойно умереть. Ничего подобного! Крещение ему мало чем помогло. Тогда он решил вступить в рыцарский орден, претендующий на знание высшей истины. Тем более, что такой уже существовал – тамплиеры. Первое упоминание о них датируется 1118 годом, но церковь официально признала храмовников только в 1128 г. Агасфер примкнул к рыцарям в разгар Альбигойских войн, скорее всего, когда тамплиеры начали проникаться катарской ересью. Кстати, ты знаешь, что в уставе ордена Розенкрейцеров был пункт, запрещающий рыцарям ордена продлевать себе жизнь свыше положенного срока? А ведь розенкрейцеры – прямые наследники тамплиеров. Я думаю, что тамплиеры мечтали через Агасфера обрести бессмертие. А он надеялся на то, что либо рогатый божок Бафомет поможет ему, наконец, умереть, либо он, подсобрав компромата на всю веселую компанию, сдаст их церкви и выхлопочет через это себе помилование перед господом.

Вот тут и появляются различные пророчества. Рыцари ходили в Крестовые походы. Возможно, он тоже как-то участвовал в них, во всяком случае, однажды в его руках оказалась целая груда обрывочных предсказаний, которые частично затем попали в руки Нострадамуса в XVI веке. Агасфер вверяет магистру ордена шкатулку с текстами, которые хранятся затем у тамплиеров, переходя по наследству от одного магистра к другому. Последним хранителем предсказаний был легендарный Моле. В ночь перед его арестом шкатулку вывозят на подводе с розами. Куда? Про то знали лишь посвященные рыцари и, естественно, сам Агасфер.

Но тамплиеры его разочаровали. Ничего не поделаешь, люди смертные, и по приказу Филиппа Красивого⁸ Жак Моле⁹, с которым Агасфер находился в дружеских отношениях, погибает на костре инквизиции.

Тогда Агасфер похищает шкатулку и решается перепрятать рукописи. Он ходит из города в город. Как ты полагаешь, зачем? Логичнее предположить, что либо ищет место, куда можно их надежнее запихнуть, либо путает следы. Я больше склоняюсь ко второму, быть не может, чтобы он не облюбовал местечко заранее. И, наконец, притаскивает их в медвежий край, страну Гиперборейских варваров, Россию, в надежде, что здесь-то они будут в целости и сохранности. Но не тут-то было. Предсказания попадают в личный архив астролога Кульмана, а затем поступают в распоряжение царя, по повелению которого, в свою очередь, часть архива отправляется в московский печатный двор, где уже работает Сильвестр Медведев.

Въезжаешь? У мужика мания переписывать старинные рукописи современным ему языком и в собственной редакции.

— Так ты полагаешь, ошибка?

— Во всяком случае, слово «Дан» во втором документе. Скорее всего, в оригинале оно было написано с маленькой буквы. Медведев нашел обрывок, неоконченное предложение и переписал его, чтобы лучше сохранилось. Может быть, даже он переписал предсказание о гибели Питера и сообщение о «дан» на один лист. Что это меняет? Где указания звезд? Где хоть какой-нибудь плевый знак?

Тем временем Лада замотала головой и, как будто отчаянно спорила с кем-то, просто-напросто: «Все равно, я должна, должна его спасти. Ведь Питер — это не просто город, это...».

— Вот тебе и знак. — Сергей присел на корточки рядом с все еще не приходящей в сознание Ладой. — А эти... Как их? Ну, бандиты, считают, что с предсказанием должна разобраться Ольга.

— Ясное дело, они же не знают, что есть еще и эта, — Шлиман открыл следующую бутылку. — А тебе-то лично кто из них больше нравится? — деловито прищурившись, спросил он.

— Причем здесь я? — Сергей отвернулся от приятеля, стараясь скрыть смущение. — Полезнее, конечно, Ольга. Но вот кто из них избран? Пусть Агасфер скажет.

— А если и он не знает? Если, ну в порядке бреда, для ядерного коктейля из сфинксов, ангелов и химер нужно в чан сбросить одну из Дан, все равно какую, ты бы кем пожертвовал? — глаза Шлимана не смотрели, а просвечивали, просверливали, пытали. От такого взгляда хотелось вскочить как подорванному и бежать, что есть сил.

— Если выбирать, я бы... — но слова застряли у него в горле. Сергей Сергеевич уже хотел справиться с проклятым комком и приговорить Ладу к смерти, как вдруг понял, что ее уже и так столько раз приговаривала сама Ольга, что вряд ли его голос может внести какую-нибудь перемену. — Так может быть, ненормальная живучесть Лады объясняется как раз ее предназначением для чего-то иного? Кому суждено быть повешенным, не утонет. Да и знак избранности на лбу просто так не напишется, — медленно произнес он и погладил, по серым от штукатурки и копоты волосам Лады, которая снова ушла в черный-пречерный обморок.

⁸ Филипп IV Красивый — французский король (1285–1314), сын Филиппа III Смелого, из династии Капетингов.

⁹ Жак де Моле — последний Великий магистр ордена тамплиеров. Сожжен на костре 18 марта 1314 г. в Париже.

Глава 13

Луч света прорезал темноту, со стоном Ольга Дан очнулась, открыла глаза, пошарила взглядом по стенам и потолку. Часть ее еще только начинала подниматься с самого дна черной комы, часть уже была здесь. Холод пронизывал насквозь, хотя Ольга помнила, что сейчас лето. Должно быть, это от того, что она лежала на полу, все тело онемело и плохо слушалось. Ольга оперлась на софу и сначала встала на колени, а потом, отдышавшись, поднялась на ноги. За окном уже отпылал закат, и его красные полосы, как следы после операции, бесстыже выставило на всеобщее обозрение небо.

Борясь с невероятной слабостью, Ольга дотащилась до ванной, где всегда имелся шприц и несколько ампул лекарства.

«Скоро организм привыкнет и к этому зелью, – подумала Ольга, наполняя тонкий инсулиновый шприц чудодейственной вакциной, – и что ты будешь делать тогда? Что делают все мало-мальски богатые и талантливые люди? Они борются за жизнь и погибают. Страшно, если смерть подкрадется тихой поступью воровки и похитит искру жизни, когда я буду к этому не готова, – она кольнула иглой себе в плечо. – Что тогда будет делать мой сын? А ведь он еще такой маленький! Нет, надо жить.

Сиверт Галевин вырезал серпом сердца девственниц и прикладывал их к своей груди, продлевая себе таким образом жизнь, Мария Кровавая¹⁰ купалась в ваннах, наполненных кровью девушек, Жиль де Ре... Скоро мне тоже ничего другого не останется, чтобы сохранять свою жизнь... Потому что Алексей...»

И тут она все вспомнила, опустошенный шприц выпал из рук и покатился по кафельному полу ванной. Ольга вылетела в комнату и, застонав, опустилась в кресло у телефона.

Отчаяние заняло три минуты. Потом она собралась и бросилась на телефон. Вскоре по команде был поднят дежурный охранник, сотрудники издательства, учителя школы, в которой учился Алексей Дан (она вычислила по домашним телефонам) и, не официально, милиция, и, естественно, ее непосредственная крыша.

Ольга металась по квартире, не зная, куда бежать и карауля любые сообщения, идущие на телефон и Интернет. В течение часа ничего путного не поступило. Выяснилось, что из школы Алексея забрал мужчина в серой униформе охранника. По уверению училки, Алеша знал похитившего его человека, так что не оставалось сомнений, что предатель находился в штате и заезжал за мальчиком не в первый раз. Но более подробной информации о внешности похитителя классная руководительница сообщить не могла. Охранников в издательстве было десять, и кто должен был заезжать за Алексеем, могли знать начальник охраны и сам охранник. Но, как назло, начальник не брал трубку. Машину, на которой похититель заехал в школу, нашли брошенной в соседнем дворе, и сейчас с нею работала бригада экспертов, выискивая отпечатки пальцев.

Впервые Ольга попала в такое положение, когда ни деньги, ни влияние, ни даже ее собственная кипучая энергия не могли принести ей никакой пользы. Она хотела уже сама броситься на поиски сына, как вдруг в дверь позвонили. На пороге стояла Лада.

– Что тебе? – выдавила Ольга, намереваясь захлопнуть перед вновь воскресшей сестрой дверь.

– Я пришла поговорить о Питере, – Лада вздохнула, прикладывая платок к разбитой и уже припухшей губе. – Кстати, я опять угодила в какую-то диверсию. Так что даже не

¹⁰ Мария Тюдор (1516–1558), королева Англии, прозванная «Кровавой Мэри». Ходили слухи, что Мария Тюдор принимала омолаживающие ванны из крови девственниц. За это она получила прозвище Кровавая.

знаю, материал я передала, но вот уцелел ли он после взрыва... – она сокрушенно покачала головой. – Надо позвонить этому журналисту домой.

– Журналист? Ну, да с которым ты должна была встретиться на Канале Грибоедова. И что?

– Как что? Надо же выяснить!

– После. Давай завтра. Я тороплюсь, – Ольга схватила сумку, ища мобильник.

– Ладно, – сестра повернулась к двери, – а Алешки что, нет дома?

– Нет! – Ольга наконец нашла мобильник и открыла перед Ладой дверь. – Почему ты спрашиваешь? Он пропал, похищен, все на ушах, а ты приходишь и рассказываешь про взрывы и потерянных журналистов. До них ли мне сейчас?

– Похищен?! – Глаза Лады округлились, лицо покраснело. – Где? Когда?

– Из школы.

– Да я же его сегодня видела.

– Где? – Ольгины пальцы впились в руку Лады, она чувствовала, что вот-вот новая, более мощная волна комы захлестнет ее. Но не собиралась отступать.

– Ехал на джипе с охранником, это как раз на канале было. Ты же не думаешь, что его взрывом засыпало? Нет?.. – слезы полились, будто кто-то открыл краники. – Охранник тот самый, что был, когда ты меня взяла на работу. Я это точно запомнила. Но ты же не думаешь, что он пострадал? Я ведь после взрыва ничего не помню, у меня, наверное, контузия... Как же так, Алешенька, мальчик мой милый...

Но сестра уже приказывала по мобильнику отыскать проклятого похитителя.

Летя по лестнице, Ольга заметила примостившегося в углу пролета второго этажа бомжа: явление в Питере довольно-таки обычное, если не считать того, что убранная итальянской плиткой, с миниатюрными статуями парадная тщательно охранялась круглосуточно дежурившей внизу милицией, и она просто не могла допустить такой экземпляр на лестничную клетку. Мало того, желтая, явно азиатская физиономия старика с белой бородой, казалась еще темнее из-за ярких оранжевых одежд. Рядом с ним лежала выдавшая виды соломенная шляпа, больше похожая на летающую тарелку, если, конечно, их можно делать из рисовых листьев. Заметив Ольгу Дан, старичок поспешно привстал опираясь на высокий посох, и протянул ей мешочек.

– Не откажите в любезности, – вежливо заговорил он, – вы, я вижу, женщина добрая, так не поможете бедному страннику? Видите ли, это у меня мешочек для подаяния деньгами, есть еще для риса и хлеба. Сегодня я хотел было пообедать, но вдруг обнаружил, что самый важный денежный мешочек прохудился, так не сочтете ли вы за труд...

– Вот вам, – на ходу Ольга швырнула бродяге несколько монет, заваливавшихся у нее в кармане. И выскочила из подъезда. Следом за ней, чуть ли не держась за стену, мимо старика не шла, а, скорее, ковыляла Лада.

– Извините меня, уважаемая, – окликнули ее старик. – Но ваша подруга дала мне это, – он показал на деньги, – в то время как я всего лишь просил ее заштопать мой мешок. Впрочем, нельзя пенять на судьбу, никогда не знаешь, где обрешь истинное счастье.

– Да, да. – Лада отерла пот со лба и, вынув кошелек, подала нищему.

– Ну, вот опять! – он удивленно поднял брови. – Вы, наверное, сочтете меня грубияном, подношение следует принимать в деревянную чашу, и только так, но да не отсохнет рука дающего. Впрочем, не стоит вам так торопиться, уважаемая, – с этими словами он зацепил Ладу крючкообразным набалдашником посоха и, не поднимаясь, подтянул к себе. – Нечего вам там делать, – глядя в глаза ошалевшей от подобного обращения женщине, все так же спокойно посоветовал он. – На что вам это нужно, смею спросить? Пальба, резня, кровь и слезы. Ваша сестра и сама прекрасно справится. Помните, «если долго сидеть на берегу, можно увидеть, как мимо тебя проплывает труп твоего врага».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.